

ISSN Print 2413-5291

НАЦИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ УЧЕНЫХ (НАУ)
DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2024.1.104

Ежемесячный научный журнал Том 1 №104 / 2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Макаровский Денис Анатольевич

AuthorID: 559173

Заведующий кафедрой организационного управления Института прикладного анализа поведения и психолого-социальных технологий, практикующий психолог, специалист в сфере управления образованием.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Чукмаев Александр Иванович

<https://orcid.org/0000-0002-4271-0305>

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права. Астана, Казахстан

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Штерензон Вера Анатольевна

AuthorID: 660374

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт новых материалов и технологий (Екатеринбург), кандидат технических наук

Синьковский Антон Владимирович

AuthorID: 806157

Московский государственный технологический университет "Станкин", кафедра информационной безопасности (Москва), кандидат технических наук

Штерензон Владимир Александрович

AuthorID: 762704

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт фундаментального образования, Кафедра теоретической механики (Екатеринбург), кандидат технических наук

Зыков Сергей Арленович

AuthorID: 9574

Институт физики металлов им. М.Н. Михеева УрО РАН, Отдел теоретической и математической физики, Лаборатория теории нелинейных явлений (Екатеринбург), кандидат физ-мат. наук

Дронсейко Виталий Витальевич

AuthorID: 1051220

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Кафедра "Организация и

безопасность движения" (Москва), кандидат технических наук

Садовская Валентина Степановна

AuthorID: 427133

Доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РФ, академик Международной академии Высшей школы, почетный профессор Европейского Института PR (Париж), член Европейского издательского и экспертного совета IEERP.

Ремизов Вячеслав Александрович

AuthorID: 560445

Доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, академик Международной Академии информатизации, член Союза писателей РФ, лауреат государственной литературной премии им. Мамина-Сибиряка.

Измайлова Марина Алексеевна

AuthorID: 330964

Доктор экономических наук, профессор Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Гайдар Карина Марленовна

AuthorID: 293512

Доктор психологических наук, доцент. Член Российского психологического общества.

Слободчиков Илья Михайлович

AuthorID: 573434

Профессор, доктор психологических наук, кандидат педагогических наук. Член-корреспондент Российской академии естественных наук.

Подольская Татьяна Афанасьевна

AuthorID: 410791

Профессор факультета психологии Гуманитарно-прогностического института. Доктор психологических наук. Профессор.

Пряжникова Елена Юрьевна

AuthorID: 416259

Преподаватель, профессор кафедры теории и практика управления факультета государственного и муниципального управления, профессор кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения факультета дистанционного обучения ФБОУ ВО МГППУ

Набойченко Евгения Сергеевна

AuthorID: 391572

Доктор психологических наук, кандидат педагогических наук, профессор. Главный внештатный специалист по медицинской психологии Министерства здравоохранения Свердловской области.

Козлова Наталья Владимировна

AuthorID: 193376

Профессор на кафедре гражданского права юридического факультета МГУ

Крушельницкая Ольга Борисовна

AuthorID: 357563

кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии. Московский государственный областной университет.

Артамонова Алла Анатольевна

AuthorID: 681244

кандидат психологических наук, Российский государственный социальный университет, филиал Российского государственного социального университета в г. Тольятти.

Таранова Ольга Владимировна

AuthorID: 1065577

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт, Департамент гуманитарного образования студентов инженерно-технических направлений, Кафедра управление персоналом и психологии (Екатеринбург)

Ряшина Вера Викторовна

AuthorID: 425693

Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО, лаборатория профессионального развития педагогов (Москва)

Гусова Альбина Дударбековна

AuthorID: 596021

Заведующая кафедрой психологии. Доцент кафедры психологии, кандидат психологических наук Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, психолого-педагогический факультет (Владикавказ).

Минаев Валерий Владимирович

AuthorID: 493205

Российский государственный гуманитарный университет, кафедра мировой политики и международных отношений (общеевропейская) (Москва), доктор экономических наук

Попков Сергей Юрьевич

AuthorID: 750081

Всероссийский научно-исследовательский институт труда, Научно-исследовательский институт труда и социального страхования (Москва), доктор экономических наук

Тимофеев Станислав Владимирович

AuthorID: 450767

Российский государственный гуманитарный университет, юридический факультет, кафедра финансового права (Москва), доктор юридических наук

Васильев Кирилл Андреевич

AuthorID: 1095059

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Инженерно-строительный институт (Санкт-Петербург), кандидат экономических наук

Солянкина Любовь Николаевна

AuthorID: 652471

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), кандидат экономических наук

Карпенко Юрий Дмитриевич

AuthorID: 338912

Центр стратегического планирования и управления медико-биологическими рисками здоровью ФМБА, Лаборатория экологической оценки отходов (Москва), доктор биологических наук.

Малаховский Владимир Владимирович

AuthorID: 666188

Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, Факультеты, Факультет послевузовского профессионального образования врачей, кафедра нелекарственных методов терапии и клинической физиологии (Москва), доктор медицинских наук.

Ильясов Олег Рашитович

AuthorID: 331592

Уральский государственный университет путей сообщения, кафедра техносферной безопасности (Екатеринбург), доктор биологических наук

Косс Виктор Викторович

AuthorID: 563195

Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма, НИИ спортивной медицины (Москва), кандидат медицинских наук.

Калинина Марина Анатольевна

AuthorID: 666558

Научный центр психического здоровья, Отдел по изучению психической патологии раннего детского возраста (Москва), кандидат медицинских наук.

Сырочкина Мария Александровна

AuthorID: 772151

Пфайзер, вакцины медицинский отдел (Екатеринбург), кандидат медицинских наук

Шукшина Людмила Викторовна

AuthorID: 484309

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Головной вуз: РЭУ им. Г.В. Плеханова, Центр гуманитарной подготовки, Кафедра психологии (Москва), доктор философских наук

Оленев Святослав Михайлович

AuthorID: 400037

Московская государственная академия хореографии, кафедра гуманитарных, социально-экономических дисциплин и

менеджмента исполнительских искусств (Москва), доктор философских наук.

Терентий Ливиу Михайлович

AuthorID: 449829

Московская международная академия, ректорат (Москва), доктор филологических наук

Шкаренков Павел Петрович

AuthorID: 482473

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), доктор исторических наук

Шалагина Елена Владимировна

AuthorID: 476878

Уральский государственный педагогический университет, кафедра теоретической и прикладной социологии (Екатеринбург), кандидат социологических наук

Франц Светлана Викторовна

AuthorID: 462855

Московская государственная академия хореографии, научно-методический отдел (Москва), кандидат философских наук

Франц Валерия Андреевна

AuthorID: 767545

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства (Екатеринбург), кандидат философских наук

Глазунов Николай Геннадьевич

AuthorID: 297931

Самарский государственный социально-педагогический университет, кафедра философии, истории и теории мировой культуры (Москва), кандидат философских наук

Романова Илона Евгеньевна

AuthorID: 422218

Гуманитарный университет, факультет социальной психологии (Екатеринбург), кандидат философских наук

Ответственный редактор
Чукмаев Александр Иванович
Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права.
(Астана, Казахстан)

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:

198320, Санкт-Петербург, Город Красное Село, ул. Геологическая,
д. 44, к. 1, литера А

Адрес электронной почты: info@national-science.ru

Адрес веб-сайта: <http://national-science.ru/>

Учредитель и издатель ООО «Логика+»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620144, г. Екатеринбург,
улица Народной Воли, 2, оф. 44

Художник: Венерская Виктория Александровна

Верстка: Коржев Арсений Петрович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Faze Jahish, Abdulhadi Haidari

INVESTIGATING THE ROLE OF USING VARIOUS METHODS IN MATH EVALUATION ON THE MATH PROGRESS OF STUDENTS OF KANKOR PREPARATION CLASSES 6

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Денисенко Е.А., Таразанов В.И., Хицкова А.О.

МОБИЛЬНЫЕ ЭНЕРГОСИСТЕМЫ НА ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКАХ ЭНЕРГИИ 12

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

Shahmarai Shahdan, Sayed Obaidullah Hamidi, Abdul Qudoos Ahmadi, Hafizullah Majidi

INCIDENCE OF TUBERCULOSIS IN AFGHANISTAN: A RETROSPECTIVE STUDY FROM 2019 – 2021 ON A NATIONAL DATA. 16

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Леонтьев Р.Г.

2. ПРОТИВОРЕЧИЯ В СТАТЬЕ ОБ ИНТЕГРАЦИИ ЦЕПЕЙ ПОСТАВОК РОССИИ И КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ ДИДЖИТАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ 25

Леонтьев Р.Г.

1. ПРОТИВОРЕЧИЯ В СТАТЬЕ О РАЗВИТИИ КОРПОРАТИВНЫХ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ 28

Леонтьев Р.Г.

2. ПРОТИВОРЕЧИЯ В СТАТЬЕ О РАЗВИТИИ КОРПОРАТИВНЫХ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ 33

Леонтьев Р.Г.

ПРОТИВОРЕЧИЯ В СТАТЬЕ ОБ АГРЕГАЦИИ МЕЖФИРМЕННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НА БАЗЕ ЦИФРОВЫХ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПЛАТФОРМ..... 39

Леонтьев Р.Г.

1. ПРОТИВОРЕЧИЯ В СТАТЬЕ О МЕНЕДЖМЕНТЕ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ЦИФРОВОГО ТИПА 42

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

INVESTIGATING THE ROLE OF USING VARIOUS METHODS IN MATH EVALUATION ON THE MATH PROGRESS OF STUDENTS OF KANKOR PREPARATION CLASSES

Faze Jahish

Teaching Assistant

Mathematic Department, Education faculties'

Alberoni University, Kapisa, Afghanistan

Abdulahadi Haidari

Teaching Assistant

Mathematic Department, Education faculties'

Alberoni University, Kapisa, Afghanistan

DOI: [10.31618/NAS.2413-5291.2024.1.104.934](https://doi.org/10.31618/NAS.2413-5291.2024.1.104.934)

ABSTRACT

The purpose of this study is to investigate the effect of using various assessment methods, including oral, written, and practical work, and providing feedback for the students preparing for the Kankor exam (National eligibility Examination for Universities) in Parowan City. The statistical population is all high school graduates in Parowan City in the academic year 2022-23. Two classes were selected from them as the experimental group, and two other classes were chosen as the control group by the available cluster sampling method. This quasi-experimental study was conducted with two experimental and control groups using a pretest-posttest design for four months. Many teachers confirmed the validity of the tests, heads of mathematics. Cronbach alpha method acknowledged the reliability of each test. The alpha coefficient of each test was higher than 0.7. It indicates a good situation regarding the reliability of each test. Descriptive statistics, T-test, and Leven's test were used to analyze the findings. The results showed that the difference between the mean scores of experimental and control groups was significant. Therefore, using different methods for evaluating mathematics improve student mathematical learning and make them excel in their mathematical lessons.

Keywords: Math evaluation, Math progress, Students, Kankor.

Introduction:

The main principle in new approaches and methods is evaluation for learning, not evaluation from learning. The new methods exclude the ranking of students in terms of grading from the evaluators and teacher agenda. It makes him sensitive to the student's progress. It encourages a respectful view of learning and provides positive and developing feedback. It turns away from memory orientation and substitutes it with continuous and systematic measurement (Karamalian, Jafari and Ebadi; 2013).

The accurate judgment regarding the level and depth of learning should be based on various documented evidence and information that is continuously collected through the learning process. This process, of gathering information and judging the quality of learning is called evaluation and is considered a part of the learning process, which should be active in the learning process (Farajulelahi and Haqiqi; 2013). Therefore, it is necessary to document the role of continuous evaluation in deepening students' learning.

Statement of the problem:

Only with proper evaluation, one can judge the precision and accuracy of learning. When we want to know if the students have learned something as a result of the learning experience, we need to test their knowledge. We realized in our teaching experience that many students have addition, subtraction, multiplication, and division skills, but they know very little or nothing at all about place value. In addition, the mentioned students can successfully solve fractions. It means that to evaluate the student's knowledge of

fractions, it is not enough to just ask students to solve fractions. It is necessary to ask them formal or informal questions about their thinking in this area, to allow them to explain their reasoning and justify the results. It is not possible except by reconsidering the use of formal evaluations and especially the use of open-ended questions. Process evaluation is undertaken in oral, written, and functional ways using a variety of evaluation tools such as discussions, and reports, answering written questions, and implementing research projects. This type of evaluation can be called process evaluation or process-oriented evaluation (Mahmoodi, Abdullahzada and Mansoorzada; 1395). Considering the important role of evaluation in the education process, the problem of the upcoming research is that the evaluation should be removed from the summative and only written and traditional methods. Various methods such as doing projects, practical work, interviews, and homework should be used to evaluate students' math, and what effect will it have on students' math progress.

Research Objective:

To investigate the role of using various evaluation methods on students' math progress.

Research hypothesis:

Using different methods for math evaluation affects students' math progress.

Research background:

In recent years, some research has been conducted all over the world concerning evaluation, how it is implemented, and its impact on student's learning, the quantity of this research shows the increasing importance of it. The results of these researches show

that the teacher can improve the student's learning by changing their way of thinking and working in the field of academic evaluation (Karamalizada; 1392). For example, the results of Khosrow Rashid's study (2015). titled Examining and comparing the effect of how to pose oral class questions for learning show that oral evaluations affect students' mathematical learning. The results of the study of Mortazavi and Barati in 1395 with the title of analyzing the appropriateness of the final evaluation of the math course with the goals of mathematics education. It shows that as long as the traditional method of evaluation dominates the process of mathematical evaluation, there will be no noticeable change in the behavior and learning of the students. Abdallahzadeh and Mansoorzadeh (2016) in their research entitled "The use of evaluation process in primary schools" concluded that a positive view of process evaluation would make teachers use this type of evaluation more in their teaching process. Therefore, by removing the existing obstacles in the way of teachers, such as time limitation, lack of necessary space, management of problems, and a large number of students in classes, you can improve the attitude of teachers towards using this type of evaluation.

Mohammad Ramzani Chahak and Jaafar Ramzani Chahak (2017) also in their research entitled "Presenting a project approach for teaching and increasing learning performance" concluded that math education and math evaluations by project approach have an important effect on student's learning performance compared to the "classical" math learning approach used in the classroom. The results of the research of Fuchs and colleagues (2010) concerning "the effect of measuring the performance of student's problem-solving skills" shows that the training classes that are guided by performance measurement have more problem-solving skills compared to the groups that are not guided by performance measurement. In total, the results of these studies show that the type of evaluation is related to the progress, learning, and self-efficacy of students. If the evaluation is accompanied by effective feedback from the student, more educational progress is made.

Mathematical learning and evaluation methods:

Considering the types of changes that occur in different areas of learning, there are at least five evaluation methods as described below.

1. Evaluation through observation
2. Evaluation through doing work
3. Evaluation through an oral exam
4. Evaluation through written exam

5. Evaluation through composite or the same situational tests (Hedaytpanah Shaldehi, 2016:2)

Bishop 2014 also argues that math evaluation programs should be expanded in a way that they can be as easy as possible. In addition to standard written tests, they should include project work, research, articles, use of computer work, models and other tools, and oral and practical work. According to Clements and Ellerton (2014), the experts concluded that the reduction of the mathematical stress of students and the use of the measurement as a tool for learning mathematics

requires a change in the evaluation strategies of educational progress and the use of other types of mathematical measurement. Methods such as teacher-made tests, observation, interviews, group discussion, and projects are methods that can be used to find out student's strengths and weaknesses, and better teaching and learning methods (Yadagarzadeh and Farhadian, 2015 quoted by Estegans 2002).

Evaluation in the form of written tests:

This type of evaluation is the most common method of evaluation in the current system and education of our country, which can be done in two ways of open-ended and close-ended answers (Saif, 2011). In this research, at the beginning of the work, the students of the experimental group were asked to explain the problems and defects of the written tests that existed in all the courses. They mentioned the following:

1. Bad writing of exam questions
2. Not leaving enough space to answer the questions
3. Not having enough time to answer the exam questions
4. Getting stressed in the days before the exam (study a lot, we will ask difficult questions)
5. Entering stress during the exam (the time is short, write faster)
6. Exam questions not being similar to book questions and questions solved in class
7. The teacher talking to the principal or the teachers talking to each other (disrupts our concentration)
8. Not considering all students (weak-medium-smart) for designing exam questions
9. In some of the exams, the number of questions is few and each question is many (by not solving one question, many are lost).

After identifying the weak points of the written tests from the student's point of view, when the test group was evaluated during the 4 months, an effort was made to ensure that the tests did not have these weak points. All the questions of the continuous and written tests were typed for the test group, and even the opinion of the students was used about the font of a question, and the font of their interest was used for typing the questions. At the end of the exam, when the students forgot a formula or some points, all their questions were answered. In some math exams, they were allowed to open and close their textbooks for a moment. The test papers without exception were delivered to the students at the end of the exam along with written or oral feedback.

Evaluation by way of interview and observation:

One of the methods of contacting students and getting to know them is the interview method. In some cases, interviewing is the only or the best way to communicate with students. One of its benefits is that a direct and interactive relationship is created between the interviewer and the interviewee. If the interviewer has enough knowledge, the interviewer can get the necessary information. At the same time, the interviewer will get immediate feedback from the

interviewee's reaction and will be aware of how the question was asked. Conducting interviews and observations with students provides teachers with useful information that they can use to understand students thinking, understanding, and feelings about mathematics (Badri Moqaddam; 2012). By doing this, the students will be encouraged and the opportunity to progress in mathematics will be provided for them. Teachers also get a solid basis for editing and modifying the curriculum from the report provided on the progress of students. Due to the importance of evaluation using the interview approach, in this research, a part of the mathematics evaluation of the students of the experimental group was conducted using this approach. All students were evaluated orally using this method, in several sessions. One of the unique features of the interview evaluation was that when the student answered the question, it was possible to ask him more questions. The student provided answers to the question; it determined the knowledge,

strengths, and weaknesses of the student Karashtanmark; 2012). It is possible that the questions that are needed to evaluate student "A" are different from the questions that are used to evaluate student "B", and this is when these two students are sitting in the same class. The unique feature of this type of evaluation is the possibility of providing quick and timely feedback to each student.

Homework evaluation:

If the homework is well designed and implemented, it can lead to the improvement and development of the student's skills and be a source for evaluating the student's progress (Nasrat Nahoki, Bakhshdarzadeh and Dhowari, 2016, quoted by Hassani, 2008). According to Rastgar (2008), Education should include learning methods so that you can learn what you need whenever you want, without needing to be taught. In your opinion, which one of the following teachers' methods is more effective in education?

<p>Teacher 2: There is only half an hour left Student 2: Only half an hour! I have not solved the problem yet. My mind has stopped functioning since then.</p>	<p>Teacher 1: You can solve these problems at home and bring them tomorrow. At the same time, design two problems similar to them and bring them to the class. Student 1: I have to spend some time solving the problems; I can get help from my sister.</p>
--	--

Comparison of teaching method of two teachers

According to Bijanzadeh (2014), in high school providing students with exercises at home can contribute to their learning and develop their abilities. Providing students with exercise at home during high school is a common thing in developed countries around the world. In this research, the teacher gives the students problems from the textbook or outside of the textbook to solve them at home and brings the answer to the class to improve their mathematical skills. All the answers will be evaluated and if necessary, questions will be asked from them.

Evaluation in the way of problem design:

According to Einstein and Einsfeld (1938, quoted by Reyhani, 2014), Formulating a problem is often more important than solving it, which may be something of an experimental or mathematical skill. Yildir and Sezan (2011, as quoted by Reyhani 1393) believe that solving the problem is one of the approaches that has been used many times to explain a mathematical topic or to determine the success of students. On the other hand, problem design is a comprehensive process that also includes problem-solving. Saylor (1994, quoted from Reyhani 1993), has introduced the problem design, and from a theoretical point of view, it argues that the problem design can be considered as the following:

- A characteristic of creative activities or special mathematical ability

- One of the features of inquiry education;
- An outstanding feature of mathematical activities;
- A tool to improve student's ability to solve problems;
- A window to student's mathematical understanding;
- A tool to increase students' interest in mathematics.

In this research, all the students of the experimental group were asked to design their problems related to the discussion of the mathematics book and bring them to the class. An experimental graduate (student A), proposed the following narrative problem concerning the group discussion:

210 people participated in a trip to Turkey. On this tour, they had to travel to two cities, Istanbul and Ankara. In one plane, the number of passengers was 98 people who were traveling to Ankara (A group). In another plane, 102 people were traveling to Istanbul (B group), eight people wanted to go to both cities, and the rest canceled their flights. All the people who traveled on this tour are the reference group. The group of people who traveled to Ankara and Istanbul completed the equations below.

$$n(A - B) = 2. n(A \cup B) =$$

The problem designed by student B:

A shoemaker's workshop produces sports shoes and shoes in five models, 10 colors, and 3 different weights (weighing half a kilo, 750 grams, and one kilo).

A) How many different types of sports shoes are produced in this workshop?

b) How many different types of sports shoes with blue color are produced?

c) How many types of sports shoes with blue color and weighing 750 grams are produced?

The problem designed by (student C):

If we cook 9 bags of rice for dinner in a ceremony.

How many pots do we need if the height of each pot is 80 cm and the base radius is 37 cm?

Project or practical work evaluation:

Let's not forget that teachers, through continuous and constructive assessment of students, are gardening plants that are different from each other. The difference is in the soil where the plant grows, the amount and type of water it receives, and the light it sees. Undoubtedly, these differences cause the teacher's expectations of each student to be different, just like the gardener's expectations about the growth of each plant. But he has to provide optimal conditions for the growth of each plant without comparing them. For this reason, it is recommended to set assignments such as projects that give students the right to choose and apply for jobs based on their talents.

In the experimental group, a part of the discussion of mathematics was used from the method of doing the project and practical work. For example, in the discussion of height and volume, the students were asked to measure the space of the rooms in their homes, as well as the volume of the facilities in their room, such as the wall closet, the library, and if possible, measure the volume of the water tank behind the roof and present it in class. The evaluation of statistics and probability in students was done in this way. In this way, the students were asked to choose a topic according to their interest, collect information about that topic, and draw the frequency table and graphs related to that data. In the beginning, they should express their motivation for choosing a topic, and at the end, they should mention the result of their practical work in a few sentences. One of the good and unique features of this method was that the students were familiar with the research method.

In the student's example, the student chose the amount of rice wasted by 30 people present at a party as the subject of her statistics project and the conclusion was that a lot of rice is wasted at their party. She said that if it is the same in the whole country, several thousand tons of rice will be wasted every day, so we have to be careful and cook as much rice as we need.

Student D also examined the height of the students in her class and expressed her motivation for choosing this subject as follows. I always thought that my height was short, and I was very upset about this. This year after hearing the words of our mathematics teacher, who said, you should first research and study well and then draw conclusions. I also decided to collect the height statistics of the students in the class to see if my height is short. Fortunately, after this study and comparing my height with the average height of my classmates, I concluded that I thought wrong and that my height is not short, and I became very happy. In this

evaluation method, the student must complete a practical work or project and present it to his classmates in class. When the student presented a project to defend his work, he was given a grade for this work.

Research Hypothesis

The use of various math evaluation methods affects math progress of students of Kankor preparation classes.

Research Objective

Investigating the role of using various methods in math evaluation on the math progress of students of Kankor preparation classes.

Research Question

What is the effect of using various math evaluation methods on the math progress of students of Kankor preparation classes?

Research method

In this research, the statistical community can use the results obtained from this research, and it is applicable. This research is one of the pre-test-post-test designs of two groups (experiment and control), which is a quasi-experimental design and tries to examine the effect of the independent variable on the dependent variable. The independent variable is mathematical evaluation, and the dependent variable is mathematical progress.

Two classes were selected from each institute. From the two classes of each institute, one was randomly selected as the control group and the other as the experimental group. In the experimental group, to measure and evaluate the students, the student provides various methods of evaluation such as observation and interview, homework solutions, project or practical work, problem plans, and written tests. However, in the control group, the evaluation was done formally and traditionally, that is, at the end of the training; it was in writing and without giving feedback. A common test's (17 questions) scores of the students in math class were considered as a pre-test, and at the end of the period, a common written test (18 questions) was taken from both groups, and the results of both groups were compared and evaluated. The study was a longitudinal research and lasted for 4 months.

Sample population and sampling method:

The statistical population of this research is 2432 male students 18-20 age group studying in Kankor preparation classes (National Qualifying exam for the Universities) in Parwan city in the academic year 2022-23. 100 students were selected from the mentioned statistical population, in 4 classes including 25 people with the available sampling method. Fifty students in the experimental and fifty students in the control groups were considered.

Instruments

This was a semi-experimental study. In this study, students of experimental group in Math classes were evaluated using observation and interview, homework solutions, project or practical work, problem plans, and written tests but students of control group were evaluated using traditional evaluation methods. The traditional math exams' questions were used but with various methods of evaluations. A pre-test of 17 questions and a post-test of 18 questions were

developed by the researcher with the help of the classes' teachers.

Validity and reliability of the tests:

To determine the validity of the tests, the opinion of 5 mathematics teachers, including the heads of mathematics groups was used to check the reliability of

each of these tests, after performing it on the initial samples of 18 students, Cronbach's alpha coefficient was used. As can be seen in Table 1, Cronbach's alpha coefficient for all tests is more than 0.7, so each of these tests has high reliability.

Table 1.

The results of Cronbach's alpha method

name of the test	Cronbach's alpha coefficient	Number of questions
Pre-test	0,772	17
Post-test	0,708	18

Analyzing data:

To investigate the difference between the experimental and control groups from descriptive and inferential statistics based on SPSS-23 software.

In addition, in the analysis and inferential analysis of the t-test and to check the equality of variances, Levin's test was used, and to confirm the normality of the data, the Kolmogorov-Smirnov test was used.

Findings

The use of various math evaluation methods affects math progress of students of Kankor preparation classes was the hypothesis of the research. A descriptive statistics is provided in below to facilitate the testing of the hypothesis.

Table 2.

Descriptive statistics related to the experimental and control groups

	number of components	N	Mean	S.D	Std. error
Pre-test	Group A (control group)	50	14.06	4.82	0.96
	Group B (experimental group)	50	15.28	3.56	0.71
Post-test	Group A (control group)	50	11.14	4.97	0.99
	Group B(experimental group)	50	15.53	3.69	0.73

Table 2 shows that 100 students participated in the research, control group was included of 50 students and the experimental group was of 50 students. The mean scores of pre-test is almost similar between control and experimental groups but the mean is significantly differ between control and experimental groups in posttest as it is detailed in table 2.

Table 3.

The results of Levin's test for equality of variances in two groups.

Group		Number	Levine's test for equality of variances	
			F	Sig (significance level)
Pre-test	Control	50	2.126	0.151
	Experimental	50		
Post-test	Control	50	1.942	0.014
	Experimental	50		

Table 4.

The results obtained from the t-test for comparing the averages of the two groups

the group		t test for equality of average						
		T	F	Sig (Level)	Mean Differences	Standard Error	Confidence interval 0.99	
							Lower limit	Upper limit
Pre-test	Control	-1.018	48	0.314	-1.22	1,19	-3.630	1.190
	Experimental		44,191				-3.635	1.195
Post-test	Control	-3,54	48	0.001	-4.390	1.33	-6.882	-1.897
	Experimental		44.27				-6.883	-1.892

According to Table 3, Levin's test is used to determine the equality or inequality of variances. Levin's level of significance is 0.151 for the pre-test as it is higher than 0.05, so it is indicated that there is no significant difference between the control and

experimental groups before the experiment. And as the significance level of the t-test is 0.314 and is greater than 0.05, then it means that the two samples do not have a statistically significant difference from each

other, and the scores of the pre-test of the mathematics lessons are almost the same.

Table 3 also indicates that Levin's level of significance in the post-test is $0.001 < (0.05)$. And the significance level of the t-test is 0.01 which is smaller than 0.05, so, it indicates a significant difference between the means of the control and experimental groups. As the upper and lower limits are both negative, the average of the experimental group is significantly higher than the average of the control group. It means that although the math scores of the two groups were at the same level in the beginning when different methods were used for math evaluations for the test group, finally a noticeable positive effect was observed in their post-test scores. Therefore, using different methods for math evaluations of students affects their math progress. Therefore, the assumptions of the t-test for independent data are valid. There is a significant difference between the average scores of the control group of math class evaluated traditionally, and the experimental group evaluated continuously. Therefore, using different methods to evaluate mathematical learning increases the rate of students' mathematical progress.

Discussion and conclusion

This research was conducted to investigate the effect of using different methods for math evaluations on students' math progress. Analyzing the data from this research led to a result that can have significant educational consequences. The results of this research show a positive relationship between the use of different methods for math evaluations and students' math progress. It is based on the findings of Khosrow, Rashid, Abul Qassem Yaqoubi, and Rasool Kurd Nougabi (2014), Mortazavi and Barati (2015), Mahmoudi, Abdullahzadeh, and Mansoorzadeh (2015), Mohammad Ramzanichahak and Jaafar Ramzanichahak (2017), Feuchez and other colleagues, (2010). Therefore, using different methods for math evaluations improves the students' math learning rate to a noticeable extent. Based on the data in the table 3 and 4, it was concluded that there is no significant difference between the control and experimental groups in the pre-test scores. However, various math evaluation methods such as interviews, practical work, exercise at home, problem design, and written tests (along with providing constructive feedback) were used for the experimental group and the level of students' mathematical learning increased significantly. One of the very important results of this research is that written tests alone cannot measure all mathematical knowledge, abilities, and talents, including the weakness and strengths of the student in the math lesson points provided by the teacher. They should use other various methods as well. A person's ability and skill in driving are tested with a written test and then a practical test. In the same way, for math evaluation, only pen and paper tests are not enough, and other different methods should be used. Therefore, evaluation plays a very important role in the teaching-learning processes and is considered one of its pillars. The lessons should be taught according to math papers' objectives and educational goals.

Recommendations

As the results of the research findings a few recommendations are provided as below:

- Teachers teaching content and methods should be based on lessons' objectives.
- Teachers are recommended to use various evaluation methods in their math classes to improve their students' math progress.
- Evaluating the students' performance must be done regularly from the beginning to the end of the course.

References

1. Abdullahzada, Mohammad Taqi; Mahmoodi, Firooz; Mansoorazada, Mohammad (2016). Application of process evaluation in primary school. *Scientific journal of Learning and Evaluation*. Issue 34. 51-62
2. Badri Moqadam, Soroush (2012). Observation and Interview, Methods for Monitoring and Evaluation. *Teacher Growth Journal*. Issue 2, 22-23.
3. Bejanzada, Mohammad Hasan (2014). Teaching and learning mathematics. Tehran: Kharmandan Publication.
4. Farajullah, Mehran; Haqiqi, Fahima Alsada (2007). The role of sustainable evaluation on students' deep learning. *Educational Journal*. Issue 92. 79-116.
5. Hedayat Panah Shaldahi, Ahmad; Hedayat Panah Shaldahi, Marzia. (2016). the strength of verbal evaluation in formative tests with collaborative methods in Math subjects. The collective articles of Shiraz University Math Educational conference in Iran.
6. Karashtanmark, Jen (2015). Mathematical Evaluation: Models, myths, good questions and practical recommendations. Interpreted: Zahra Guya and Mani Rezai. Tehran: Fatemi Publication.
7. Karamalian, Hassan; Jafari Harandi, Reza and Ebadi, Husain (2013). The study of Descriptive qualitative evaluation problem based on primary school teachers and managers perspectives. *Esfahan University, Scientific Journal of Modern educational approach*. Phase 8, issue 2, 73-92.
8. Nosrat Tahoki, Abdul Salaam; Bakhshderzada, Morad; Dehorari, Ayoob. (2016). the impact of applying evaluation tools on students' learning improvement. *Journal of psychology and education science studies*. Issue 5, 97-116.
9. Parso, Talma (2009). Evaluation in Math classes. *Math Teaching Growth Journal*. Issue 63, 49-53.
10. Rastegar, Tahira (2009). Evaluation for Learning. Tehran: Cultrual Institute of Educators.
11. Rayhan, Ebrahim (2014). Analysis of strategies, documents, research and valid sources related to math learning. Ministry of Education of Iran. Educational Research and planning Organization.
12. Saif, Ali Akbar (2008). Educational Assessment, Monitoring and evaluation. Tehran. Doran Publication.
13. Yadgarzada, Reza; Farhadian, Mahmood. (2016). the study of assessment methods for students' math performance. *Journal of educational assessment and evaluations*. Issue 14, 111-142.

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 621.311

МОБИЛЬНЫЕ ЭНЕРГОСИСТЕМЫ НА ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКАХ ЭНЕРГИИ

Денисенко Е.А.

Таразанов В.И.

Хицкова А.О.

*ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»,
Россия, 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13*

MOBILE ENERGY SYSTEMS BASED ON RENEWABLE ENERGY SOURCES

Denisenko E.A.

Tarazanov V.I.

Khitskova A.O.

*Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin,
13 Kalinina str., Krasnodar, 350044, Russia*

DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2024.1.104.93513

АННОТАЦИЯ

Для повышения рентабельности малых фермерских хозяйств, удаленных от внешней энергетической системы, предлагается для электроснабжения их потребителей электроэнергии использовать мобильные энергосистемы, выполненные с использованием возобновляемых источников энергии. Предложены структурно-схемные решения мобильных энергосистем, раскрыты особенности их работы и предложен способ оптимизации структуры с использованием трех показателей: стоимости, КПД и массы.

ANNOTATION

To increase the profitability of small farms remote from the external energy system, it is proposed to use mobile energy systems made using renewable energy sources to supply electricity to their consumers. Structural and schematic solutions for mobile power systems are proposed, the features of their operation are revealed and a method for optimizing the structure using three indicators is proposed: cost, efficiency and mass.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии, мобильная энергосистема, автономная система электроснабжения.

Keywords: renewable energy sources, mobile energy system, autonomous power supply system.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научного проекта № МФИ-20.1/27.

The study was carried out with the financial support of the Kuban Science Foundation within the framework of the scientific project No MFI-20.1/27.

Введение

Возобновляемая энергетика способна внести значительный вклад в решение важнейшей проблемы энергообеспечения потребителей энергией в районах, отдаленных от внешней энергетической системы. К таким потребителям относятся, прежде всего, потребители сельскохозяйственного производства.

В Краснодарском крае интенсивно развиваются малые фермерские хозяйства (МФХ), занимающиеся производством меда, рыбы, мясомолочной продукции и выращиванием овощей. Их особенностью является то, что многие из хозяйств удалены от внешней энергетической системы. Рентабельность МФХ можно повысить за счёт применения мобильных энергосистем, выполненных с использованием возобновляемых источников энергии (ВИЭ), обеспечивающих электроэнергией технологические процессы и жизнедеятельность обслуживающего персонала хозяйств.

Поскольку в Краснодарском крае высокий потенциал солнечной и ветровой энергетики, то

перспективным вариантом является применение в составе мобильных энергосистем солнечных фотоэнергетических и ветроэнергетических установок (СФЭУ и ВЭУ). Используя достоинства СФЭУ и ВЭУ, а также в одной структуре энергетической системы традиционных топливных генераторов можно разработать энергоэффективные мобильные энергосистемы [1, 2]. Однако известные технические решения мобильных электростанций (МЭС) имеют низкие технико-экономические показатели, прежде всего, из-за необоснованного выбора мощности возобновляемых и традиционных источников электроэнергии, включая аккумуляторных батарей [3, 4].

Цель исследования

Разработка структурно-схемных решений энергоэффективных мобильных энергосистем, выполненных с использованием возобновляемых источников энергии.

Материалы и методы исследования

При проведении исследований применялись методы статистической обработки информации,

основы теории возобновляемой энергетики, электротехники и силовой электронной преобразовательной техники.

Результаты исследований и их обсуждение

Технико-экономические показатели МЭС зависят от требований потребителей электроэнергии к её качеству и надежности электроснабжения [5]. На практике могут применяться несколько вариантов структурно-схемных решений МЭС. На рисунке 1 приведена структурная схема МЭС с источниками электроэнергии на постоянном токе, где обозначено: СБ – солнечная батарея; ВЭУ – ветроэнергетическая установка; АБ – аккумуляторная батарея; ЗУ – зарядное устройство; ТГ – топливный генератор; ВС – внешняя сеть; КЗ – контроллер заряда; ДИ – двунаправленный инвертор; РИ – резервный источник; Н – нагрузка.

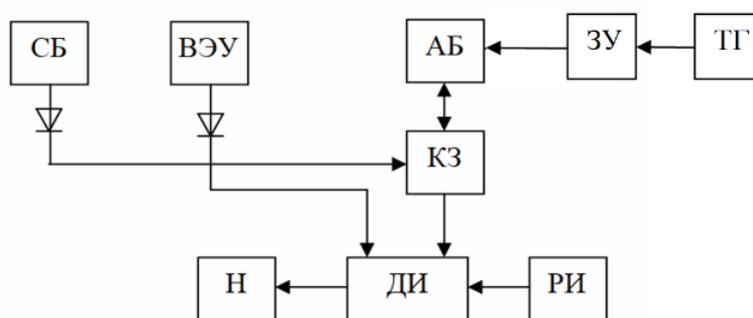

Рисунок 1 – Структурная схема МЭС с источниками электроэнергии на постоянном токе

Основные недостатки, рассмотренного структурного решения МЭС:

- повышенные потери из-за двойного преобразования электроэнергии на стороне напряжения постоянного тока (контроллер, инвертор);
- не установлены приоритеты между источниками для питания нагрузки с учетом потенциала возобновляемых источников и их нестабильности.

В современных гибридных инверторах установлена функция приоритета источнику напряжения постоянного тока – аккумуляторным батареям, а также допускают подключение источника напряжения переменного тока к выходу преобразователя [5].

Известны технические решения гибридных инверторов китайских производителей (Sofar Solar, Voltronic Power, Must Power и др.), которые работают с приоритетом солнечных батарей, но у них отсутствует возможность подключения источником напряжения переменного тока к

Такой способ потребителей электроэнергии переменного тока широко распространен в настоящее время.

Солнечная батарея СБ может содержать несколько солнечных модулей (СМ) и через контроллер заряда КЗ заряжает аккумуляторные батареи АБ. Мобильная электростанция содержит ввод для подключения топливного генератора ТГ небольшой мощности (до 2 кВт), также осуществляющий заряд АБ. Напряжение постоянного тока от солнечной батареи СБ и аккумуляторной батареи АБ преобразуется в двунаправленном инверторе ДИ в однофазное или трехфазное напряжение переменного тока. К выводу двунаправленного инвертора ДИ подключается нагрузка Н. В схеме предусмотрен ввод для подключения резервного источника РИ, которым также может быть внешняя сеть.

выходу.

В настоящее время в составе СФЭУ применяются относительно не дорогие комбинированные инверторы, которые содержат функцию МРРТ или ШИМ контроллер заряда для солнечных батарей с приоритетом солнечных батарей. Однако надежность таких инверторов значительно ниже, чем у их аналогов, а их цена значительно ниже.

На рисунке 2 приведена структурная схема МЭС с шиной гарантированного питания переменного тока ШППТ (на рисунке 2 не показана автоматическая система управления). На рисунке 2 обозначено: ВС – внешняя сеть. Автоматическая система управления (АСУ) позволяет автоматически изменять структуры автономной системы электроснабжения в зависимости от потенциала возобновляемых источников и режимов работы потребителей электроэнергии, а также и наращивать, при необходимости, установленную мощность.

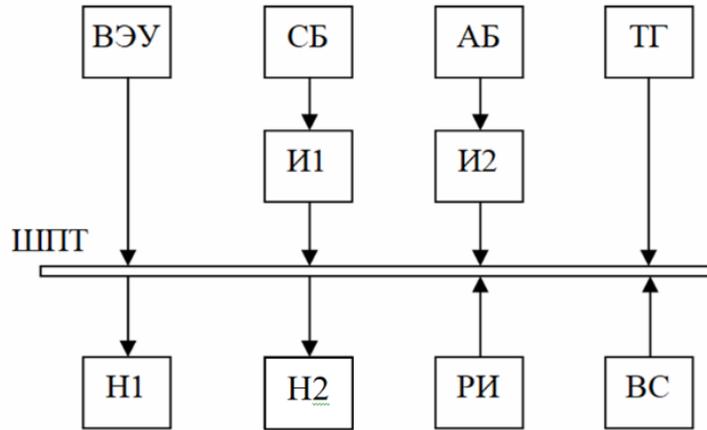

Рисунок 2 – Структурная схема с шиной гарантированного питания переменного тока

Распределение по мощности источников и преобразователей электроэнергии МЭС зависит от мощности и режимов работы потребителей электроэнергии, т.е. от графика нагрузки. Содержание в составе энергосистемы несколько источников электроэнергии повышает надежность ее работы.

Использование стандартных однотипных инверторов, контроллеров, солнечных модулей и ВЭУ повышает ремонтпригодность МЭС, в том числе сокращаются сроки устранения неисправностей.

Преимуществом МЭС, схема которой приведена на рисунке 2, кроме того, является повышенное напряжение источников переменного тока 220 и 380 В. Так как кабели постоянного тока имеют повышенные сечения при напряжениях источников 12/24/48 В (рисунок 1).

Для того чтобы принять правильное решение при выборе функциональных элементов МЭС с точки зрения технико-экономических показателей, необходимо для конкретной местности определить потенциал ВИЭ, провести анализ мощности и режимов работы потребителей электроэнергии. Здесь целесообразно применит

метод последовательных уступок с применением нескольких параметров оптимизационной оценки. Как правило, за основу берется показатель стоимости (C), как функциональных элементов, так и МЭС в комплексе, кроме того, оценивается КПД (η) и массогабаритные показатели (M) мобильной электростанции. Принцип метода уступок: в начале фиксируются значения M и η , и оптимизируется минимальное значение C ($C \leq C_{min}$). Далее после определения C_{min} определяется предельно минимальное значение КПД (η_{min}). На завершающем этапе задаются допустимыми максимальными отклонениями массы (M_{max}). Таким образом, на каждом этапе при фиксированном значении одного показателя определяются другие показатели оценки эффективности структурно-схемного решения МЭС. Наилучшие результаты с учетом ограничений технического задания на проектирования МЭС (пунктирные линии на рисунке 3) определяется длиной вектора \bar{S} (рисунок 3).

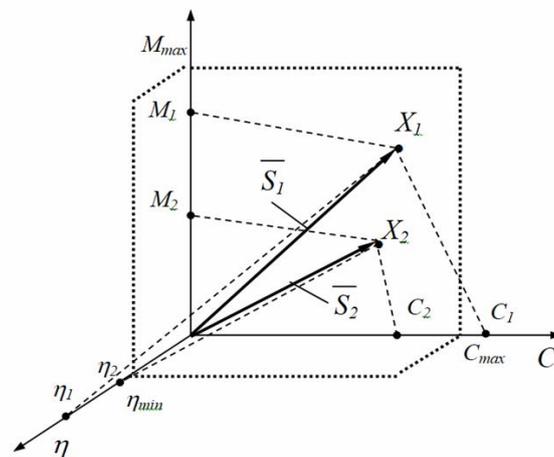

Рисунок 3 – Сравнение двух структур МЭС по показателям: КПД (η), массы (M) и стоимости (C)

На рисунке 3 приведен пример сравнения двух вариантов структур МЭС. Проекция векторов \bar{S}_1 и \bar{S}_2 , характеризует соответствующий показатель МЭС. Ограничения, показанные пунктирной линией, дает возможность выбора оптимального структурно-схемного решения МЭС.

Выводы (заключение)

Таким образом, рассмотренные варианты структурно-схемных решений МЭС и особенности их работы, а также предложенный способ оптимизации по трем показателям оценки эффективности: стоимости, КПД и массе, позволят разрабатывать энергоэффективные мобильные системы электроснабжения.

Список литературы

1. Григораш О.В., Плешаков В.Н., Воробьев Е.В., Пигарев К.В. Потенциал возобновляемых источников энергии на селе // Сельский механизатор. – 2018. – № 7–8. – С. 32–33 с.
2. Григораш О.В., Денисенко Е.А., Грищенко Д.Н., Барышев П.М. Мобильные ветро-солнечные электростанции: состояние, перспективы и особенности проектирования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Энергетика». – Т. 23. – № 1. – 2023. – С. 48–55.
3. Усков А. Е. Выбор оптимального резервного источника электроснабжения // Сельский механизатор. 2022. – № 1. – С.36–38.
4. Кашин Я.М., Копелевич Л.Е., Самородов И.Б., Ким В.А., Артеян К.З. Ветро-солнечный генератор и его характеристики // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2019. – № 6. – С. 201–214.
5. Никитенко Г.В., Коноплев Е.В., Лысаков А.А. Ветро-солнечная система электроснабжения // Сельский механизатор. 2018. – № 4. – С.28–29.

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

INCIDENCE OF TUBERCULOSIS IN AFGHANISTAN: A RETROSPECTIVE STUDY FROM 2019 – 2021 ON A NATIONAL DATA.

Shahmarai Shahdan

Assistant Professor, Department of Internal medicine, faculty of medicine, Alberoni University, Kapisa, Afghanistan.

Sayed Obaidullah Hamidi

Assistant Professor, Department of Sports Medicine, faculty of Physical Education, Kabul Education University, Kabul, Afghanistan.

*Abdul Qudoos Ahmadi **

*Assistant Professor, Department of Community Health, faculty of nursing, Kabul University of Medical Sciences, Kabul, Afghanistan. *Corresponding & Primary Author.*

Hafizullah Majidi

Assistant Professor, Department of Sports Medicine, faculty of Physical Education, Kabul Education University, Kabul, Afghanistan.

DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2024.1.104.936

ABSTRACT

Objective: The aim of this study is to determine the incidence of tuberculosis (TB) in Afghanistan over a retrospective period of three years (2019-2021). **Study Design:** a retrospective study that analyzed existing data from databases. **STUDY SETTING:** The study setting is Afghanistan; it has 34 provinces. **Methods:** The study population is the people who are living in the country during the time of study. As of 2021, the estimated population of Afghanistan is approximately 39.7 million people. The study's sample size was determined based on the total number of patients diagnosed with tuberculosis in Afghanistan during the study period. The study population consisted of all patients diagnosed with tuberculosis in Afghanistan between 2019 and 2021. The SPSS 22.0 version was used to analyze all of the data. **Results:** In three years period (2019, 2020, and 2021) 139366 cases of TB were diagnosed in Afghanistan. Of the total cases, 58.7% (N = 81772) of them were female and 41.3% (N = 57594) were male. The highest numbers of cases were recorded in the capital Kabul province. The total incidence of TB in a three-year period was revealed to be 125/100,000 population. The highest incidence rate was in 2021 which is 127/100,000 population. **Conclusion:** the burden of TB remains high in Afghanistan with an increasing trend over the three years period. The total number of TB cases was 139366 from 2019 to 2021 revealing an incidence rate of 125/100,000 population. Females were more affected and the highest rates were recorded among the age group of 15 to 34 years old. Kabul province had the highest number of TB cases compared to other provinces. The incidence rates have been increasing from 125/100,000 in 2019 to 127/100,000 in 2021 indicating the need for intensifying the control strategies and interventions to reverse this upward trend and achieve the goals of ending TB in Afghanistan.

Keywords: Tuberculosis, Incidence, Afghanistan.

INTRODUCTION

Tuberculosis, also known as TB, is a highly infectious and potentially fatal disease caused by the *Mycobacterium tuberculosis* bacterium. It is one of the top ten causes of death worldwide, with an estimated 10.4 million people developing active TB in 2020. Despite advances in treatment and prevention, the incidence of TB remains high in many parts of the world, particularly in low- and middle-income countries (1). Tuberculosis mainly spreads through the air when individuals who have active TB in their lungs cough, sneeze or spit, sending TB bacteria into the air. Individuals who breathe in these bacteria are then at risk of becoming infected (2). While the overall risk of infection is low, individuals infected with TB germs now have latent TB infection, meaning they have been exposed to the bacteria but are not yet ill with the active disease or infectious. Latent TB infection can later reactivate if left untreated, at which point the individual becomes ill with active TB disease and can spread the bacteria to others (3; 4). It typically affects the lungs, but can also affect other parts of the body. Not all infections with *M. tuberculosis* cause TB disease. The

majority of those infected are asymptomatic, referred to as latent TB infection. About one in four people worldwide have latent TB, while about 5-10% of people with latent TB infection will progress to active TB disease in their lifetime (1).

Tuberculosis incidence refers to the number of new cases of tuberculosis disease that occur within a defined population over a designated period of time, usually one year (4).

Globally, tuberculosis incidence remains high, with an estimated 10.0 million new TB cases in 2019, equal to 133 cases per 100,000 populations (1). However, incidence rates vary substantially between and within countries. High-incidence countries with more than 100 reported new TB cases per 100,000 populations per year include India, Indonesia, the Philippines, China, Pakistan, Nigeria and South Africa (1). Lower-income countries and regions with a high prevalence of HIV/AIDS and malnutrition also tend to have higher TB incidence rates (5). Several factors influence tuberculosis incidence within populations. Socioeconomic and environmental determinants play an important role, with TB risk higher in settings

characterized by poverty, overcrowded housing conditions and inadequate sanitation (6). Individual factors like age, nutrition status and immunosuppression from conditions like HIV infection also correlate with increased risk of infection and progression to active disease (7; 8). Access to and coverage of proper diagnosis and treatment services also impact incidence through reduced transmission from infectious patients (9; 10).

Public health interventions aim to reduce tuberculosis incidence within populations through strategies that target these determinants of infection risk. Wide implementation of TB diagnosis and treatment programs can effectively control transmission from infectious cases, preventing initial infection in contacts and reinfection within communities (11). Improved infection control measures in healthcare facilities and congregate settings like prisons and migrant housing also limit exposure and thus incidence of TB disease (12). Other interventions to address social determinants like nutrition support and cash transfer programs, improvements in housing and sanitation, and scaling up of HIV testing and antiretroviral therapy coverage can lower incidence by reducing the risk of progression to active TB among infected individuals (13; 14). Systematic, widespread implementation of these types of interventions by governments and public health programs will be necessary to make progress toward reducing tuberculosis incidence within populations. It mostly affects adults in their most productive years, but all age groups are at risk. TB is preventable and curable, and is most prevalent in low- and middle-income countries. Common symptoms of active lung TB are cough with sputum and blood at times, chest pains, weakness, weight loss, fever and night sweats (15). People living with HIV are 16 times more likely to develop active TB (16).

TB is treated with a standard 4-month or 6-month course of 4 antimicrobial drugs (15). Multidrug-resistant TB is caused by the inappropriate use of TB medicines (16). WHO estimates that US\$13 billion are needed annually for TB prevention, diagnosis, treatment and care. Global commitments and the WHO response have been made to end TB (17). India and China accounted for 26% and 8.5% of total TB cases in 2019, respectively. Other high burden countries include Indonesia, Philippines, Pakistan, Nigeria, Bangladesh and South Africa. Together these 8 countries accounted for 2/3 of the world's TB cases. Nevertheless, there are an estimated 3 million "missing" TB cases that are not notified to national TB programs or WHO each year. Improved case detection is a major priority to end the TB epidemic. Drug-resistant TB is a continuing threat.

In 2019, there were about half a million new cases of rifampicin-resistant TB, of which 78% had multidrug-resistant TB. The risk factors for TB include poverty, overcrowding, malnutrition, and history of TB, smoking, HIV/AIDS, and other conditions that weaken the immune system. The COVID-19 pandemic has had a detrimental impact on TB diagnosis and treatment. TB programs in many countries have been disrupted, leading to reductions in case detection and

higher rates of loss to follow-up and mortality. There may be an additional 6.3 million TB cases and 1.4 million TB deaths from 2020 to 2025 as a result (1). It primarily affects the lungs, but can also affect other parts of the body such as the brain, kidneys, and spine. TB is one of the leading causes of death worldwide, with an estimated 1.4 million deaths in 2019. Afghanistan is one of the countries with a high burden of TB, and it has been a major public health concern in the country (1). Therefore, the present study aimed to determine the incidence of tuberculosis (TB) in Afghanistan over a retrospective period of three years (2019-2021).

○ **Research Question**

What is the incidence of Tuberculosis in Afghanistan in three years period of 2019-2021?

- **METHODOLOGY**

This section presents the methodology of the study which is used for conducting the research on TB incidence.

2.1. **RESEARCH DESIGN**

The study was a retrospective study that analyzed existing data from databases. This design is suitable for our objectives and also enabled the researcher to collect data related to study objectives in a short period of time.

○ **STUDY SETTING**

The study setting is Afghanistan; it has 34 provinces. Afghanistan is a landlocked country located in South Asia, bordered by Pakistan to the east and south, Iran to the west, Turkmenistan, Uzbekistan, and Tajikistan to the north, and China to the northeast. Its capital and largest city is Kabul. Afghanistan has a rich history and culture, with evidence of human habitation dating back to the Middle Paleolithic era. In recent decades, Afghanistan has been the site of a series of conflicts, including the Soviet-Afghan War in the 1980s and the US-led invasion in 2001. Afghanistan is home to a diverse range of ethnic groups, with Pashtuns, Tajiks, Hazaras, and Uzbeks being some of the largest. The official languages are Dari and Pashto, and the majority of the population is Muslim.

○ **STUDY POPULATION**

The study population is the people who are living in the country during the time of study. As of 2021, the estimated population of Afghanistan is approximately 39.7 million people. The country has a relatively young population, with a median age of around 19 years old.

○ **SAMPLE SIZE**

The study's sample size was determined based on the total number of patients diagnosed with tuberculosis in Afghanistan during the study period. The study population consisted of all patients diagnosed with tuberculosis in Afghanistan between 2019 and 2021.

○ **DATA COLLECTION**

The data for this study was collected from the national tuberculosis program database and patient medical records. TB cases were identified through TBIS-TBARs-Extra Pulmonary Clinically, TBIS-TBARs-Pulmonary Bacteriologically and TBIS-TBARs-Pulmonary Clinically methods.

2.5.1 DATA ANALYSIS

The data was analyzed using SPSS descriptive statistics. The incidence rate of tuberculosis was calculated as the number of new cases per 100,000 population per year.

○ DENOMINATORS USED TO CALCULATE THE RATES OF PERIOD

Population statistics were obtained from the website of World Bank. These data were used as denominators to calculate the incidence rates in the study.

$$\text{Incidence rate in three years period} = \frac{139366}{116841191} = 0.00119 * 100,000 = 119$$

The incidence rate in each chosen year is calculated as below and the highest rate was in 2021 which is 127/100,000 population.

$$\text{Incidence rate in 2019} = \frac{47224}{37769499} = 0.00125 * 100,000 = 125$$

$$\text{Incidence rate in 2020} = \frac{41269}{38972230} = 0.00106 * 100,000 = 106$$

$$\text{Incidence rate in 2021} = \frac{50873}{40099462} = 0.00127 * 100,000 = 127$$

- RESULTS

In three years period (2019, 2020 and 2021) 139366 cases of TB were diagnosed in Afghanistan. The total number of TB cases in each selected year is presented in table 1. From the total cases, 58.7% (N = 81772) of them were female and 41.3% (N = 57594) were male. The highest numbers of cases were recorded in the capital Kabul province. TB cases according to provinces in each year are detailed in table 2, 3 and 4. The total incidence of TB in three years' period revealed to be 125/100,000 population.

Table 1

No	Year	Age group				Gender		Total
		0 – 14	15 – 34	35 – 54	>55	Male	Female	
1	2019	12210	15001	10620	9393	18749	28475	47224 (33.9%)
2	2020	10065	13913	9245	8046	16352	24917	41269 (29.6%)
3	2021	11354	19266	10560	9693	22493	28380	50873 (36.5%)
Total		33629 (24.1%)	48180 (34.6%)	30428 (21.8%)	27132 (19.5%)	57594 (41.3%)	81772 (58.7%)	139366 (100%)

Table 2

Province	Gender	Age group				Total
		0-14	15-34	35-54	>55	
Badakhshan	Male	135	90	103	73	401
	Female	141	269	164	62	636
Badghis	Male	84	102	127	80	393
	Female	87	425	219	70	801
Baghlan	Male	303	113	132	149	697
	Female	214	496	226	159	1095
Balkh	Male	390	255	216	282	1143
	Female	341	755	323	259	1678
Bamyan	Male	42	34	83	70	229
	Female	41	94	95	55	285
Dykundi	Male	61	46	69	50	226
	Female	51	109	79	41	280
Farah	Male	67	37	60	179	343
	Female	69	111	140	155	475
Faryab	Male	111	95	112	101	419
	Female	102	388	320	158	968

Ghazni	Male	211	96	129	192	628
	Female	186	304	235	194	919
Ghor	Male	168	124	146	119	557
	Female	193	511	318	120	1142
Helmand	Male	237	297	369	275	1178
	Female	158	631	454	258	1501
Hirat	Male	286	159	170	247	862
	Female	288	866	360	209	1723
Jawzjan	Male	80	96	96	110	382
	Female	80	280	179	120	659
Kabul	Male	962	521	534	663	2680
	Female	837	1398	625	561	3421
Kandahar	Male	300	155	158	278	891
	Female	232	451	232	257	1172
Kapisa	Male	41	30	41	26	138
	Female	45	129	61	29	264
Khost	Male	223	114	167	323	827
	Female	191	399	314	394	1298
Kunar	Male	185	47	61	83	376
	Female	191	257	132	86	666
Kunduz	Male	211	154	161	156	682
	Female	185	626	212	114	1137
Laghman	Male	71	24	51	38	184
	Female	49	111	72	24	256
Logar	Male	35	29	36	69	169
	Female	50	131	76	84	341
Nangarhar	Male	1465	293	344	342	2444
	Female	1264	802	473	427	2966
Nimroz	Male	47	21	59	74	201
	Female	41	99	95	74	309
Nooristan	Male	15	9	10	8	42
	Female	23	44	29	6	102
Paktika	Male	99	62	72	135	368
	Female	111	218	153	182	664
Paktya	Male	103	67	74	172	416
	Female	129	203	174	173	679
Panjsher	Male	10	10	5	7	32
	Female	10	17	4	3	34
Parwan	Male	108	49	63	59	279
	Female	94	172	116	66	448
Samangan	Male	70	48	65	47	230
	Female	37	194	136	40	407
Sar-e-Pul	Male	80	93	69	51	293
	Female	53	281	134	46	514
Takhar	Male	92	84	107	132	415
	Female	97	341	180	98	716
Urozgan	Male	38	51	88	24	201
	Female	41	85	68	23	217
Wardak	Male	59	32	39	67	197
	Female	64	93	69	74	300
Zabul	Male	63	54	55	54	226
	Female	63	220	82	37	402
Total		12210	15001	10620	9393	47224

Table 3

Distribution of TB cases in 2020 according to age group and provinces

Province	Gender	Age group				Total
		0-14	15-34	35-54	>55	
Badakhshan	Male	131	92	89	79	391
	Female	127	243	186	61	617
Badghis	Male	97	149	180	101	527
	Female	124	453	295	71	943
Baghlan	Male	272	182	124	129	707
	Female	210	523	203	137	1073
Balkh	Male	304	357	218	287	1166
	Female	298	789	328	292	1707
Bamyan	Male	24	25	35	45	129
	Female	18	48	59	37	162
Dykundi	Male	53	57	64	61	235
	Female	49	128	93	55	325
Farah	Male	57	55	82	180	374
	Female	65	152	158	193	568
Faryab	Male	94	115	99	70	378
	Female	95	388	239	91	813
Ghazni	Male	146	75	99	113	433
	Female	139	234	161	123	657
Ghor	Male	212	129	180	105	626
	Female	195	511	312	100	1118
Helmand	Male	302	294	365	273	1234
	Female	206	696	403	317	1622
Hirat	Male	178	116	138	141	573
	Female	154	653	289	158	1254
Jawzjan	Male	92	107	88	108	395
	Female	51	208	150	117	526
Kabul	Male	592	331	379	412	1714
	Female	613	981	447	377	2418
Kandahar	Male	172	196	150	259	777
	Female	203	419	218	226	1066
Kapisa	Male	35	44	37	28	144
	Female	42	99	58	24	223
Khost	Male	192	120	105	253	670
	Female	145	396	176	312	1029
Kunar	Male	198	113	77	103	491
	Female	199	336	198	129	862
Kunduz	Male	195	134	134	103	566
	Female	233	435	192	92	952
Laghman	Male	66	18	30	19	133
	Female	46	80	59	33	218
Logar	Male	25	13	30	56	124
	Female	33	63	47	53	196
Nangarhar	Male	1063	291	216	261	1831
	Female	921	653	343	324	2241
Nimroz	Male	49	29	57	82	217
	Female	37	99	91	86	313
Nooristan	Male	38	22	21	7	88
	Female	23	61	38	17	139
Paktika	Male	108	55	88	146	397
	Female	101	225	146	161	633
Paktya	Male	81	60	52	157	350

	Female	92	201	139	179	611
Panjsher	Male	7	11	8	5	31
	Female	6	17	6	5	34
Parwan	Male	66	50	63	59	238
	Female	77	150	98	77	402
Samangan	Male	61	58	46	33	198
	Female	43	146	76	30	295
Sar-e-Pul	Male	52	87	84	64	287
	Female	50	254	152	44	500
Takhar	Male	83	101	103	81	368
	Female	68	253	122	61	504
Urozgan	Male	52	45	59	25	181
	Female	66	111	66	27	270
Wardak	Male	44	19	37	56	156
	Female	60	80	52	51	243
Zabul	Male	71	50	52	50	223
	Female	64	228	56	35	383
Total		10065	13913	9245	8046	41269

Table 4

Distribution of TB cases according to province in 2021

Province	Gender	Age group				Total
		0-14	15-34	35-54	>55	
Badakhshan	Male	110	197	88	75	470
	Female	93	247	179	50	569
Badghis	Male	109	214	208	122	653
	Female	127	432	273	149	981
Baghlan	Male	213	297	114	117	741
	Female	228	502	216	113	1059
Balkh	Male	104	453	171	219	947
	Female	178	575	294	188	1235
Bamyan	Male	32	42	57	56	187
	Female	41	75	83	47	246
Dykundi	Male	95	90	40	76	301
	Female	87	97	98	78	360
Farah	Male	50	87	71	207	415
	Female	62	184	191	262	699
Faryab	Male	101	162	140	117	520
	Female	152	342	302	170	966
Ghazni	Male	150	231	141	201	723
	Female	147	348	225	201	921
Ghor	Male	184	205	175	148	712
	Female	171	468	302	127	1068
Helmand	Male	435	867	426	460	2188
	Female	417	788	468	406	2079
Hirat	Male	200	283	191	245	919
	Female	201	817	339	264	1621
Jawzjan	Male	80	138	108	125	451
	Female	71	293	188	159	711
Kabul	Male	643	1459	562	593	3257
	Female	602	1712	758	662	3734
Kandahar	Male	198	436	172	305	1111
	Female	161	514	287	306	1268
Kapisa	Male	62	67	39	21	189
	Female	56	93	68	20	237

Khost	Male	186	247	96	237	766
	Female	158	387	190	371	1106
Kunar	Male	210	131	55	85	481
	Female	196	209	99	92	596
Kunduz	Male	178	289	159	122	748
	Female	239	444	202	114	999
Laghman	Male	104	60	55	33	252
	Female	74	96	64	41	275
Logar	Male	32	68	40	62	202
	Female	57	110	56	86	309
Nangarhar	Male	1611	608	337	307	2863
	Female	1268	750	447	310	2775
Nimroz	Male	44	56	37	89	226
	Female	36	109	87	104	336
Nooristan	Male	3	13	21	16	53
	Female	5	31	23	5	64
Paktika	Male	98	95	61	120	374
	Female	123	191	139	131	584
Paktya	Male	96	123	46	117	382
	Female	88	176	139	154	557
Panjsher	Male	9	13	4	8	34
	Female	15	19	11	5	50
Parwan	Male	83	97	63	69	312
	Female	71	130	80	67	348
Samangan	Male	34	114	52	43	243
	Female	40	165	81	35	321
Sar-e-Pul	Male	30	175	99	58	362
	Female	40	263	131	55	489
Takhar	Male	91	197	93	80	461
	Female	131	317	145	75	668
Urozgan	Male	45	132	92	26	295
	Female	59	111	98	21	289
Wardak	Male	47	46	27	53	173
	Female	51	54	55	46	206
Zabul	Male	110	196	69	107	482
	Female	132	329	133	60	654
Total		11354	19266	10560	9693	50873

3.1 Rate of Multiple Drug Resistance TB

Data on rate of MDR has not been recorded after 2018 due to the intensification of war and political

system change. However, the rate of MDR reported as following from 2015 up to 2018.

Table 5

Showing the rate of multi-drug resistant tuberculosis

Year	People Developing MDR-TB	On Treatment	Successfully Treated
2015	3000	81	53
2016	3300	153	95
2017	3200	198	124
2018	3200	319	225

- DISCUSSION

Our study revealed that three years period (2019, 2020 and 2021) 139366 cases of TB were diagnosed in Afghanistan. From the total cases, 58.7% (N = 81772) of them were female and 41.3% (N = 57594) were male. The highest numbers of cases were recorded in the capital Kabul province. The total incidence of TB

in three years period revealed to be 125/100,000 population.

The findings are consistent with a study in India that reported 58% of TB cases were female (18). Higher rates of TB in females could be due to biological factors, as well as social and cultural aspects that pose barriers to care seeking. The high case numbers in Kabul province is similar to patterns seen in Nigeria,

where higher TB burdens align with more urbanized areas (19). This could be due to overcrowding and socioeconomic factors in large cities. The increasing incidence trend mirrors studies from the Philippines and Kenya, where TB incidence rates grew over time (20; 21). This concerning pattern calls for strengthened TB control efforts. The age distribution reflects trends in Pakistan and China, where the majority of TB cases were in those aged 15-22 years (23; 24). This key demographic should be targeted for interventions. A large retrospective study in Bangladesh from 2008 to 2014 also found the majority (67%) of TB cases occurred in those <65 years of age (25). The results highlight the economic burden of TB in afflicting populations in their productive years. The higher male proportion of cases contrasts with findings from Cambodia, where more females were diagnosed with TB (4). While biological factors may play a role, there are likely additional gender-related barriers to diagnosis and care seeking for females in Afghanistan that differ from the Cambodian context. The incidence rates are comparable to findings from studies in Myanmar, Laos and Nepal, which reported rates of 119 to 185 per 100,000 from 2010 to 2016 (25; 26; 27). This suggests Afghanistan's TB burden is moderate for the region.

In contrast, the rates are lower than in Pakistan, which saw incidence rates >260 per 100,000 in recent years (26). While still concerning, the lower rates in Afghanistan indicate TB may be more controlled compared to neighboring Pakistan. A study in Iran found higher TB incidence in border provinces compared to central areas of the country (27). As Afghanistan also borders Iran, it is possible cross-border migration and contact contributes to higher case numbers in provinces closer to Iran. A study in Uzbekistan found an incidence rate of 112 per 100,000 in 2018, higher in the north near Kazakhstan (28). The interconnectedness of Central Asian countries, including Afghanistan, suggests collaborative efforts across borders may be needed to reduce the spread of TB.

- CONCLUSION

In conclusion, the burden of TB remains high in Afghanistan with an increasing trend over the three years period. The total number of TB cases were 139366 in 2019 to 2021 revealing an incidence rate of 125/100,000 population. Females were more affected and the highest rates were recorded among age group of 15 to 34 years old. Kabul province had the highest numbers of TB cases compared to other provinces. The incidence rates have been increasing from 125/100,000 in 2019 to 127/100,000 in 2021 indicating the need for intensifying the control strategies and interventions to reverse this upward trend and achieve the goals of ending TB in Afghanistan. Overall, TB remains a public health threat in Afghanistan and stronger commitments are needed at all levels to tackle this problem.

- RECOMMENDATIONS

Based on the findings of the current study and extensive literature review the following recommendations were made (47 - 66).

1. Increase public awareness about TB symptoms, transmission and prevention methods: There is a need for nationwide public health campaigns to raise awareness about TB. This can help in early detection of cases and reduce stigma around the disease.

2. Improve access to TB diagnosis and treatment: The government should make further investments to expand TB diagnostic and treatment services across the country, especially in remote areas.

3. Target interventions at high risk groups: Special attention should be given to high risk groups like women, younger age groups, and those in Kabul province. Tailored interventions such as screening programs should target these groups.

4. Address social determinants of health: Poverty, malnutrition and lack of education are major drivers of TB in Afghanistan. The government should implement social and economic development programs to improve living standards and education levels which can help tackle the root causes of TB.

5. Improve monitoring and surveillance: The TB surveillance system should be strengthened to provide quality data on disease trends and burden.

6. Conduct further research on TB: Operational research should be conducted to provide insights into barriers for accessing TB services in order to find localized solutions.

7. LIMITATIONS

One of the limitations of this study is that the data collected may be incomplete or inaccurate. Additionally, the study may not be able to identify all risk factors associated with tuberculosis incidence in Afghanistan due to potential confounding factors that are not captured in the data.

References

- [1] World Health Organization. Global Tuberculosis Report 2020. Geneva: World Health Organization; 2020.
- [2] Schleicher, U., Kampmann, B., Demangel, C., & Britton, W. (2019). A systems vaccinology view on novel tuberculosis vaccines. *Frontiers in immunology*, 10, 1631.
- [3] Houben, R. M., & Dodd, P. J. (2016). The global burden of latent tuberculosis infection: a re-estimation using mathematical modelling. *PLoS medicine*, 13(10), e1002152.
- [4] White, C. N., & McShane, H. (2011). Measuring TB Burden: Confusion, Controversies and Challenges. *Expert review of anti-infective therapy*, 9(1), 13-30.
- [5] Cole, S. T. (1996). Tuberculosis. In *Encyclopedia of human biology* (Vol. 8, pp. 567-576). Academic Press.
- [6] Jindani, A., Aber, V. R., Edwards, E. A., & Mitchison, D. A. (2014). The epidemiology of tuberculosis in the developed world. *European Respiratory Journal: Official Journal of the European Society for Clinical Respiratory Physiology*.
- [7] Lienhardt, C., Fielding, K., & Sillah, J. (2011). Pyrazinamide resistance tests, population pharmacokinetics, and the treatment of latent

tuberculosis infection and multidrug-resistant tuberculosis. *Clinical Infectious Diseases*, 52(suppl_5), S419-S423.

[8] Jeon, C. Y., & Murray, M. B. (2008). Diabetes mellitus increases the risk of active tuberculosis: a systematic review of 13 observational studies. *PLoS medicine*, 5(7).

[9] Dowdy, D. W., Glaziou, P., Houben, R., Lönnroth, K., & Migliori, G. B. (2011). The impact of the tuberculosis epidemic on the Sustainable Development Goals. *Bulletin of the World Health Organization*, 89(5), 315.

[10] Yim, S. C. M., Ho, S. P., Yap, G. S. Y., Sim, T. S., Aung, T., Vugia, D., ... & Yap, E. P. X. (2017). Relapse of multidrug-resistant tuberculosis after successful treatment: the Singapore experience. *The International Journal of Tuberculosis and Lung Disease*, 21(8), 905-910.

[11] Tangcharoensathien, V., Chanchaithong, P., & Kanchanachit, C. (2018). Universal health coverage in Thailand: achievements and challenges. *Hipokratia*, 22(1), 13.

[12] Marks, S. M., Flood, J., Seaworth, B., Hirsch-Moverman, Y., Armstrong, L., & Mase, S. (2014). Treatment practices, outcomes, and costs of multidrug-resistant and extensively drug-resistant tuberculosis, United States, 2005-2007. *Emerging infectious diseases*, 20(5), 812.

[13] Boccia, D., Hargreaves, J., De Stavola, B. L., Fielding, K., Lewis, J. J., Bedri, N., ... & Porter, J. D. (2009). The association between household socioeconomic position and prevalent tuberculosis in zambia: a case-control study. *American journal of epidemiology*, 170(8), 1014-1022.

[14] Nachiappan, A., Gautham, S., Ramanathan, U., Balasundaram, B., Swaminathan, S., Thomas, A., & Wares, F. (2018). Direct benefit transfer for tuberculosis patients and role in reduction of catastrophic costs for tuberculosis care in India. *The International Journal of Tuberculosis and Lung Disease*, 22(3), 272-280.

[15] Centers for Disease Control and Prevention. (2021, February 9). Tuberculosis (TB). <https://www.cdc.gov/tb/topic/basics/default.htm>

[16] Hill, A., Karim, S., & Swaminathan, S. (2021). Tuberculosis and HIV. *UpToDate*.

[17] WHO. (2021). Tuberculosis. <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/tuberculosis>

[18] Thorson, A., Diwan, V. K., & Winkvist, A. (2016). Gender and tuberculosis: A case of urban-rural inequity in notifications. *The International Journal of Tuberculosis and Lung Disease*, 20(2), 161-167. <https://doi.org/10.5588/ijtld.15.0415>

[19] Kehinde, A., Oginni, T., & Ogbudebe, C. (2016). A review of pulmonary

tuberculosis in Nigeria: A call for drastic action. *The Nigerian Health Journal*, 16(3), 90-97. <https://doi.org/10.4103/1596-3519.193601>

[20] Huerga, H., Okwera, A., Ochiob, H., Viña, A., Guajardo, A., Ardizzoni, E., Situakibanza, N., & Fitz-Gerald, M. (2019). Controlling tuberculosis in large cities in the Philippines: lessons from 10 years of experience. *Public Health Action*, 9(1), 32-39. <https://doi.org/10.5588/pha.18.0075>

[21] Guan, Y., Liu, Q., Wang, Q., Ma, X., Liu, Y., He, G., Li, X., & Li, Y. (2019). Epidemiology of tuberculosis in mainland China, 2004-2015: The contribution of newspaper reports. *Journal of Infection and Public Health*, 12(5), 672-679. <https://doi.org/10.1016/j.jiph.2019.04.001>

[22] Uplekar M, et al. Progress toward tuberculosis elimination in the European Union. *Eur Respir J* 2019; 54: 1900682

[23] Banu, S., Mahmud, A. M., Faizullah, A. A., Parvin, N., Islam, T., Ahmed, F., & Khatun, R. (2018). Epidemiology of tuberculosis in an endemic region of Bangladesh: Study design and preliminary observations. *BMC Infectious Diseases*, 18(1), 1-9. <https://doi.org/10.1186/s12879-018-3388-z>

[24] Eang, M. T., Kasaev, N., Toda, R., Hoek, K., Sokun, C., & Fri Phon, S. (2019). Gender differences in tuberculosis risk and household transmission in Cambodia. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 16(3), 331. <https://doi.org/10.3390/ijerph16030331>

[25] Oo, A. L., Saw, S., Thu, P., Tun, T., Aye, L. K., Phyu, S., Lwin, T., & Nyunt, M. T. (2019). Estimation and projection of the prevalence of tuberculosis in Myanmar, 2010-2030: Evidence from a modelling study. *Journal of Infectious Diseases & Therapy*, 7(392). <https://doi.org/10.4172/2332-0877.1000392>

[26] Khan, J. A., Akbani, F., Khan, K. M., Abrar, S., Shakeel, M., Idrees, M., & Khan, M. A. (2017). Estimating tuberculosis incidence and case detection rate in Pakistan. *International Journal of Mycobacteriology*, 6(1), 85-89. <https://doi.org/10.1016/j.ijmyco.2016.10.002>

[27] Moradi, G., Gouya, M. M., Azarkar, Z., Mirmomen, S., Hajizadeh, M., Rad, A. H., Varmazyar, H., & Bahrami, A. (2019). Tuberculosis incidence rates in Iran, 2012-2015: Increasing trend and the impact of immigration. *The International Journal of Tuberculosis and Lung Disease*, 23(2), 217-225. <https://doi.org/10.5588/ijtld.18.0445>

[28] Muzaffarov, R., Kenzhakimova, N., Yuldashov, U., & Andrejko, M. (2020). Millennium development goals: The status of tuberculosis in Uzbekistan. *Central Asian Journal of Global Health*, 9(1), 225. <https://doi.org/10.5195/cajgh.2020.225>

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2. ПРОТИВОРЕЧИЯ В СТАТЬЕ ОБ ИНТЕГРАЦИИ ЦЕПЕЙ ПОСТАВОК РОССИИ И КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ ДИДЖИТАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Леонтьев Р.Г.

*д-р. экон. наук, профессор, главный научный
сотрудник (Хабаровский федеральный исследовательский
центр ДВО РАН, г. Хабаровск, РФ)*

2. CONTRADICTIONS IN THE ARTICLE ON THE INTEGRATION OF CHAINS SUPPLIES FROM RUSSIA AND KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

R.G. Leontiev

*doctor of Economics, professor,
chief Researcher (Khabarovsk Federal Research Center of the Eastern Branch of the Russian
Academy of Sciences, Khabarovsk city, Russia)
DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2024.1.104.937*

АННОТАЦИЯ

В работе рассматривается содержание второй части статьи доктора экономических наук, доцента Барыкина С.Е. и Шарапаева П.А. под названием «Интеграции цепей поставок России и Казахстана в контексте диджитализации экономики». В результате данного рассмотрения выявлены противоречия, свойственные содержанию данной статьи.

ANNOTATION

The paper examines the content of the second part of the article by Doctor of Economics, Associate Professor S.E. Barykin and P.A. Sharapaev entitled "Integration of supply chains of Russia and Kazakhstan in the context of digitalization of the economy." As a result of this review, contradictions inherent in the content of this article are revealed.

Ключевые слова: Цепи поставок, интеграция России и Казахстана, контекст диджитализации экономики, авторские утверждения, познавательные и редакционно-смысловые противоречия.

Key words: Supply chains, integration of Russia and Kazakhstan, the context of digitalization of the economy, author's statements, cognitive and editorial semantic contradictions.

В этой работе изложены противоречия, выявленные во второй части статье доктора экономических наук, доцента Барыкина С.Е. и Шарапаева П.А. под названием «Интеграции цепей поставок России и Казахстана в контексте диджитализации экономики» [1, с. 125-143].

Противоречие 64. В заключении статьи Барыкина С.Е. и Шарапаева П.А. [1, с. 125-143] излагалось буквально следующее утверждение:

«Научная новизна проведенного исследования заключается в формализации направлений развития международных российско-казахстанских логистических сетей в рамках ЕАЭС в контексте выстраивания отношений России и Казахстана с другими интеграционными группировками и глобальными акторами. В рамках выделенных векторов обоснованы преимущества выстраивания логистических цепей между двумя странами, обозначены потенциальные точки роста и выгоды для всех участников ЕАЭС и партнеров» [1, с. 143].

Относительно данного утверждения [1, с. 143] можно и необходимо зафиксировать недопустимые для всякой научной и учебной литературы высшего и среднего профессионального образования наиболее очевидные смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, всякая научно-исследовательская работа прежде всего характеризуется научными результатами, полученными лично ее авторами и показывающими, в чем конкретно состоят их сущность и значение. Наиболее существенными научными результатами могут быть сформулированные авторами новые теоретический положения, новые идеи, новые факты, новые конкретные методики, модели, способы, обоснования, концепции, закономерности и др. Текст формулы научного результата, имеющего новизну, следует начинать с вводного слова: доказано, получено, установлено, определено, выявлено, разработано, предложено и др. Затем нужно указать название объекта научной новизны (что именно создано, доказано, методика, модель, способ, положение, концепция и т. д.). После этого с помощью соединительных слов (состоящий, заключающийся, позволяющий) следует перейти к изложению его значения. Поэтому авторам статьи [1, с. 125-143]) следовало бы в ее заключении в первую очередь изложить полученные ими наиболее существенные **научные результаты**, что позволило бы читателю самому определить истинные уровень и характер научной новизны проведенного ими исследования;

- во-вторых, известно [2], что *формализовать* – это представлять (представить) какое-нибудь явление, процесс, отношение и т. п. в формальном

(явно выраженном и логически непротиворечащем) виде. Вместе с тем, заявляя о «научной новизне (научным результате - *Р.Л.*)» содержания статьи [1, с. 125-143]), ее авторы тем самым без всяких обиняков, как бы, считают, что **ими лично (!) впервые было осуществлено** представление в явно выраженном и логически непротиворечащем виде «направлений развития международных российско-казахстанских логистических сетей в рамках ЕАЭС»;

- в- третьих, и, с одной стороны, такое заявление, в свою очередь, означает, что к 2019 году (когда было опубликовано научное издание [1]) органы государственной власти, научные и образовательные учреждения России и Казахстана так и не смогли сформулировать столь важные для экономик этих стран «направления развития международных российско-казахстанских логистических сетей в рамках ЕАЭС» и, естественно, оставались в полном неведении о перспективах их осуществления. Такая же участь была свойственна и самим сотрудникам организации ЕАЭС. И только, благодаря удивительной прозорливости авторов статьи [1, с. 125-143]), пресловутые «направления развития международных российско-казахстанских логистических сетей в рамках ЕАЭС» появились на свет;

- в-четвертых, а, с другой стороны, что касается конкретных «направлений развития международных российско-казахстанских логистических сетей в рамках ЕАЭС», то в остальном тексте статьи [1, с. 125-143] представлено лишь следующее утверждение [1, с. 136]: «Перспективы развития российско-казахстанских логистических сетей можно исследовать в различных направлениях [18] (рис. 8). Основные направления проектирования международных российско-казахстанских логистических сетей. Вместе с тем, в рамках участия в Евразийском экономическом союзе перед Россией и Республикой Казахстан открываются широкие перспективы по развитию международных логистических сетей». Однако, на рис. 8 [1, с. 137], на котором, якобы, представлена «логика проведения научных исследований в области интеграции российско-казахстанских логистических сетей», на самом деле отражены давно и широко известные мероприятия по развитию международных транспортных коридоров (МТК). Таким образом, в остальном тексте статьи [1, с. 125-143] отсутствуют численный состав, названия и содержание пресловутых «направлений развития международных российско-казахстанских логистических сетей в рамках ЕАЭС». Поэтому читатель остается в полном неведении о том, что же конкретно «формализовали» в статье [1, с. 125-143] ее авторы;

- в-пятых, известно, что *актор* – это действующий *субъект* (игрок), совершающий действия, направленные на других. При этом *актор* может быть как *индивидуальным* - *индивидом*, так

и *коллективным* - социальной группой или иной общностью людей, организацией, государством, межгосударственным объединением. И в связи с этим было бы весьма интересно узнать, кого или что именно (кроме ЕАЭС) авторы статьи [1, с. 125-143]), подразумевают под «глобальными акторами»? Может быть объявившие разного рода антироссийские санкции Европейский союз (ЕС) или отдельные входящие в него страны (Франция, Германия и др.)? А может быть ведомые США и присоединившиеся к указанным санкциям Япония, Республика Корея и Тайвань, заинтересованные в развитии МТК «Европа – Азия»? Увы, ответы на эти и другие подобные вопросы в статье [1, с. 125-143] обнаружить априори невозможно.

И потому здесь налицо – очередные свойственные научному изданию [1] противоречия исследовательского и редакционного характера в виде алогизма в первом значении (нелогичность, несовместимость с требованиями логики [2]) и алогизма во втором его значении (намеренное нарушение в речи логических связей с целью создания стилистического эффекта [2]).

Противоречие 65. В конце заключения статьи Барыкина С.Е. и Шарапаева П.А. [1, с. 125-143] излагалось буквально следующее утверждение:

«Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в формировании научного фундамента для проведения дальнейших исследований, направленных на раскрытие тенденций усиления интеграционных процессов в экономике, фиксируя взаимопроникновения двух ключевых категорий науки - потоки и ключевые связи, внося теоретический вклад в новый этап развития теории логистики под руководством профессора В.В. Щербакова» [1, с. 143].

Относительно данного утверждения [1, с. 143] можно и необходимо зафиксировать недопустимые для всякой научной и учебной литературы высшего и среднего профессионального образования наиболее очевидные смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, **теоретическая значимость результатов исследования** характеризуется следующими параметрами: выдвинутыми идеями, аргументами, доказательствами; обоснованием элементов изложения теории (аксиомы, гипотезы, научные факты, выводы, тенденции, этапы, стадии, факторы и условия); формулированием законов или закономерностей, общей концепции в целом; раскрытием существенных проявлений теории: противоречия, несоответствия, возможности, трудности, выделены новые проблемы, подлежащие дальнейшему исследованию. Однако, поскольку авторы статьи [1, с. 125-143] не отразили в ней достигнутые ими **научные результаты**, то утверждать о практической значимости этого исследования не имеет никаких оснований;

- во-вторых, словесная конструкция формулировки данного утверждения [1, с. 143]

построена семантически некорректно (с элементарными грамматическими и смысловыми ошибками). Так, в частности, если условно пока не касаться достоверности данного утверждения, то в его формулировке следовало бы вместо семантически сомнительного выражения – «при этом взаимопроникновения двух ключевых категорий науки - потоки и хозяйственные связи, внося» - употребить какое-нибудь достаточно приемлемое в данном случае словосочетание, например, «взаимопроникновения содержательных сущностей двух таких ключевых понятий для этой науки, как «товарные (материальные) потоки» и «хозяйственные связи, и внося...»;

- в-третьих, примененное в данном утверждении [1, с. 143] выражение - «*Теоретическая* значимость..., внося *теоретический* вклад в... этап развития *теории*» - в буквальном смысле представляется недопустимой для научно-исследовательских трудов и учебной литературы сферы высшего и среднего профессионального образования *тройной тавтологией* (плеоназмом - [2]);

- в-четвертых, что касается весьма сомнительно предполагаемого в данном утверждении [1, с. 143], якобы, «развития теории логистики под руководством профессора В.В. Щербакова», то, с одной стороны, развитие теории логистики осуществляется не только упомянутым профессором, но и многими другими исследователями. А, с другой стороны, такое сомнительное предположение вполне может быть воспринято читателем как неуместный реверанс авторов статьи [1, с. 125-143] в сторону ответственного редактора научного издания [1]. К тому же некоторые выдвинутые упомянутым профессором научные положения оказались отнюдь не безгрешными (в частности, см. выше описание противоречий 26-33 и 62).

В результате здесь налицо – очередные свойственные научному изданию [1] противоречия исследовательского и редакционного характера в виде алогизма в первом значении (нелогичность, несовместимость с требованиями логики [2]) и алогизма во втором его значении (намеренное нарушение в речи логических связей с целью создания стилистического эффекта [2]).

Противоречие 66. Вместе с тем в статье Барыкина С.Е. и Шарапаева П.А. [1, с. 125-143] можно и необходимо зафиксировать недопустимые для всякой научной и учебной литературы очевидные редакционные невязки, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, в соответствии с общепринятыми «требованиями (рекомендациями) к структуре и содержанию научных публикаций» ссылки должны быть пронумерованы либо, как правило, в том порядке, в котором они проставлены в тексте, либо по алфавиту. Однако, в статье Барыкина С.Е. и Шарапаева П.А. [1, с. 125-143], в которой был использован указанный выше первый вариант,

ссылка на источник под позицией 6 была сделана не после ссылки на источник под позицией 5 (как это положено), а лишь после ссылки на источник под позицией 9;

- во-вторых, в приведенном в статье Барыкина С.Е. и Шарапаева П.А. [1, с. 125-143], списке «Литература» [1, с. 142-143] названия источников под позициями 4, 7-9, 14 и 16-18 представлены неверно, то есть не в соответствии с общероссийскими правилами оформления библиографии источников.

Поэтому здесь налицо – очередные свойственные научному изданию [1] противоречия редакционного характера в виде алогизма в первом его значении (нелогичность, несовместимость с требованиями логики [2]).

Противоречие 67 (комплексное). Заканчивая данный подраздел 6.1 настоящего экспертного исследования, следует отметить, что в статье Барыкина С.Е. и Шарапаева П.А. [1, с. 125-143] нетрудно выявить и массу других весьма существенных противоречий, недопустимых для всякой научной и учебной литературы высшего и среднего профессионального образования. Однако, если вдруг кому-то понадобится такое выявление, то более подробное определение упомянутых здесь выше многочисленных противоречий может быть предметом другой экспертно-исследовательской работы.

Здесь же необходимо обозначить самое общее противоречие, заключающееся в фиксации в статье Барыкина С.Е. и Шарапаева П.А. [1, с. 125-143] следующих недопустимых для всякой научной и учебной литературы высшего и среднего профессионального образования наиболее очевидных смысловых невязок исследовательского и редакционного характера:

- во-первых, большая часть основного текста статьи Барыкина С.Е. и Шарапаева П.А. [1, с. 125-143] представляет собой в лучшем случае *фактографию* (описание фактов без их анализа, обобщения [2]), а в худшем - *компиляцию* (соединение результатов чужих исследований, мыслей без самостоятельной обработки источников, а также сама работа, составленная таким методом [2]). А ведь и то, и другое представляется крайне недопустимым явлением для всякой научной литературы, подготовленной в сфере высшего профессионального образования;

- во-вторых, авторы статьи [1, с. 117-124], почему-то, проигнорировали тот факт, что уже в то время (2019 год, когда было опубликовано научное издание [1]) реализовывался невыгодный для РФ сценарий функционирования мировой и национальных экономик, характеризующийся следующими негативными факторами (политическими рисками): влияние международных санкций на экономики стран, отдельных отраслей и компаний; ухудшение межгосударственных отношений; локальные военные действия; массовая миграция из зон нестабильности; террористические угрозы и воздействия на объекты инфраструктуры и пр.. А

ведь это крайне негативно сказывается на практической реализации упомянутых этими авторами (в качестве, якобы, полученных ими лично научных результатов) «направлений развития международных российско-казахстанских логистических сетей в рамках ЕАЭС», а также на эффективности отраженной в названии этой статьи «интеграции цепей поставок России и Казахстана в контексте диджитализации экономики»;

- к-третьих, затем следует отметить, что статья Барыкина С.Е. и Шарапаева П.А. [1, с. 125-143] (впрочем, как и другие статьи, представленные в научном издании [1]) в весьма значительной мере не соответствует общепринятым (международным, общероссийским) требованиям к структуре и содержанию научных публикаций. Так, например, во введении публикации определяются специализированные термины (и представленные в ее названии - в первую очередь), которые будут использоваться в дальнейшем. Однако во введении статьи Барыкина С.Е. и Шарапаева П.А. [1, с. 125-143] напрочь отсутствуют определения таких базовых для нее понятий, как «диджитализация экономики», «цепи поставок». К тому же в этой статье вообще не представлены дискуссионные положения, не обозначены конкретные авторские научные результаты и не раскрыта их содержательная сущность;

- в-четвертых, и, наконец, словесные конструкции практически всех формулировок основного текста статьи Барыкина С.Е. и

Шарапаева П.А. [1, с. 125-143] в редакционно-смысловом отношении построены семантически не квалифицированно. И за примером, как говорится в народе, «далеко ходить не надо». Поскольку одними из ярких образчиков подобной не квалифицированности (а точнее, непрофессионализма) являются авторские утверждения, приведенные здесь выше (см. описания противоречий 61-65). Более того, в основном тексте, таблицах и рисунках данной статьи присутствуют элементарные грамматические ошибки, выявление которых может быть предметом другой экспертно-исследовательской работы.

Таким образом здесь налицо – очередные свойственные научному изданию [1] противоречия исследовательского и редакционного характера в виде парадокса во втором его значении (в формальной логике: противоречие, возникающее при сохранении логической правильности хода рассуждений [2]).

Литература

1. Развитие науки и научно-образовательного трансфера логистики / под научной ред. д-ра экон. наук, проф. В.В. Щербакова. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. – 220 с.

2. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Рус. яз., 1998. – 848 с.

1. ПРОТИВОРЕЧИЯ В СТАТЬЕ О РАЗВИТИИ КОРПОРАТИВНЫХ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Леонтьев Р.Г.

д-р. экон. наук, профессор, главный научный сотрудник (Хабаровский федеральный исследовательский центр ДВО РАН, г. Хабаровск, РФ)

1. CONTRADICTIONS IN THE ARTICLE ON THE DEVELOPMENT OF CORPORATE LOGISTICS SYSTEMS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

R.G. Leontiev

doctor of Economics, professor, chief researcher (Khabarovsk Federal Research Center of the Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk city, Russia)
DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2024.1.104.938

АННОТАЦИЯ

В работе рассматривается содержание первой части статьи кандидата экономических наук, доцента Гвилия Н.А. и кандидата экономических наук Михайловой К.О. под названием «Развитие корпоративных логистических систем в условиях цифровизации». В результате данного рассмотрения выявлены противоречия, свойственные содержанию данной статьи.

ANNOTATION

The paper examines the content of the first part of the article by Candidate of Economic Sciences, Associate Professor Gwilia N.A. and Candidate of Economic Sciences Mikhailova K.O. entitled "Development of corporate logistics systems in the context of digitalization". As a result of this review, contradictions inherent in the content of this article are revealed.

Ключевые слова: Корпоративные логистические системы, развитие в условиях цифровизации, авторские утверждения, познавательные и редакционно-смысловые противоречия.

Key words: Corporate logistics systems, development in the context of digitalization, author's statements, cognitive and editorial-semantic contradictions.

В этой работе изложены противоречия, выявленные в первой части статьи кандидата экономических наук, доцента Гвилия Н.А. и кандидата экономических наук Михайловой К.О. под названием «Развитие корпоративных логистических систем в условиях цифровизации» [1, с. 144-156].

Противоречие 68. В самом начале статьи Гвилия Н.А. и Михайловой К.О. [1, с. 144-156] излагалось буквально следующее утверждение:

«В современных условиях экономическая деятельность корпораций постоянно расширяется, каждый год удваивая при этом объемы оперируемой информации. Более того, за последние годы изменились не только количественные, но и качественные характеристики этой информации, во-первых, за счет развития новых технологий источников получения данных, а во-вторых, за счет инновационных методов обработки этой информации. Более того, помимо проблемы непрерывно генерирующихся объемов данных, современные информационные потоки являются неструктурированными и не всегда достоверными. Таким образом, акцент на развитие цифровых технологий корпоративных логистических систем является инструментом повышения эффективности их деятельности в масштабах бизнеса корпорации, обеспечивая большую системную гибкость и устойчивость на всех ее уровнях» [1, с. 144].

Относительно данного утверждения [1, с. 144] можно и необходимо зафиксировать недопустимые для всякой научной и учебной литературы высшего и среднего профессионального образования наиболее очевидные смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, из названия статьи [1, с. 144-156] и содержания первого предложения данного утверждения [1, с. 144] непонятно, о каких именно пространственно-географических корпорациях (российских, зарубежных, международных, мировых или глобальных) в нем идет речь? И именно во введении этой статьи следовало бы сначала уточнить эту «корпоративную» деталь;

- во-вторых, сообщая в первом предложении данного утверждения [1, с. 144] о факте «удвоения объемов оперируемой информации», авторам статьи [1, с. 144-156] следовало бы обязательно сделать в нем (предложении) ссылку на источник, откуда ими был почерпнут этот весьма удивительный факт;

- в-третьих, во втором предложении данного утверждения [1, с. 144] сообщается о том, что де «за последние годы изменились не только количественные, но и **качественные** характеристики этой информации, во-первых, за счет **развития новых технологий** источников получения данных, а во-вторых, за счет **инновационных методов** обработки этой информации». То есть этим самым авторы статьи [1, с. 144-156], как-бы, удостоверяют, что

качественные характеристики информации **изменились в лучшую сторону**. Однако уже в следующем третьем предложении данного утверждения [1, с. 144] они же сообщают о том, что, якобы, «современные информационные потоки являются **неструктурированными и не всегда достоверными**». То есть уже в этом случае эти авторы, как-бы, свидетельствуют о том, что, наоборот, качественные характеристики той же информации **заметно ухудшились**, несмотря на применение «новых технологий» и «инновационных методов». Налицо - две представленные авторами статьи [1, с. 144-156] **противоположные тенденции в «развитии качественных характеристик «оперируемой информации»** в сфере «экономической деятельности корпораций»;

- в-четвертых, более того, авторы статьи [1, с. 144-156], вероятно, сами того не подозревая, сообщили читателям научного издания [1] («обучающимся в системе трехуровневого высшего образования по логистике, системах дополнительной профессиональной подготовки и повышения квалификации, преподавателям и научным работникам, представителям органов административного управления и практикующим логистам» [1, с. 2]) об особенно тревожных для руководства «корпораций» проявлениях «не всегда достоверной информации», то есть крайне недопустимой в их («корпораций») «экономической деятельности» **дезинформации**. Поскольку дезинформация приводит не только к принятию экономически неэффективных управленческих решений, но и, как следствие, к убыточной хозяйственной деятельности корпораций;

- в-пятых, известно [2,3], что **акцентировать (перен.)** – это выдвигать на первый план, подчеркнуть какую-нибудь мысль, а **инструмент (перен.)** – это средство, способ, метод, применяемые для достижения чего-нибудь. Поэтому «акцент» не может быть «инструментом». И в связи с этим авторам статьи [1, с. 144-156] следовало бы из формулировки четвертого предложения данного утверждения [1, с. 144] убрать семантически неверное и потому ошибочно примененное выражение – «акцент на». Или лучше вместо семантически сомнительного и потому ошибочного выражения – «акцент на развитие цифровых технологий корпоративных логистических систем является инструментом» - употребить какое-нибудь приемлемое для этого случая словосочетание, например, - «цифровые технологии используются в корпоративных логистических системах как инструменты»;

Поэтому здесь налицо – очередные свойственные научному изданию [1] противоречия исследовательского и редакционного характера в виде алогизма в первом значении (нелогичность, несовместимость с требованиями логики [2]) и алогизма во втором его значении (намеренное нарушение в речи логических связей с целью создания стилистического эффекта [2]).

Противоречие 69. Затем в третьем абзаце статьи Гвилия Н.А. и Михайловой К.О. [1, с. 144-156] излагалось буквально следующее утверждение:

«Цифровизация отраслей происходит неравномерно, глобальными лидерами в технологиях являются преимущественно отрасли, создающие информационные продукты - IT, медиа, телекоммуникации, индустрия развлечения, финансовый сектор экономики, розничная торговля, только затем следуют энергетика, нефтегазовая отрасль, FMCG, машиностроение, образование. Несмотря на то, что последние имеют значимое преимущество в капитале, имидже на рынке и стабильные контракты с заказчиками, компании - цифровые лидеры имеют преимущество в инновационных технологиях, гибкости, скорости, риску и подвижности систем» [1, с. 144].

Относительно данного утверждения [1, с. 144] можно и необходимо зафиксировать недопустимые для всякой научной и учебной литературы высшего и среднего профессионального образования наиболее очевидные смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, словесная конструкция формулировки данного утверждения [1, с. 144] построена семантически некорректно (с элементарными грамматическими и смысловыми ошибками). Так, в частности, если условно пока не касаться достоверности данного утверждения, то в формулировке его первого предложения следовало бы вместо малоинформативного слова «технологиях» употребить выражение – «разработке и применении цифровых технологий». Также следовало бы перед наречием «только» употребить соединительный союз «и» или противительный союз «но». А в формулировке второго предложения данного утверждения [1, с. 144] следовало бы в ее начале применить выражение «И это несмотря». Затем вместо семантически сомнительного выражения – «значимое преимущество» употребить словосочетание – «значительные преимущества». Кроме того, в нем же вместо неграмотно написанных прилагательного «инновационных» и существительного «риску» употребить соответственно слова «инновационных» и «риске»;

- во-вторых, известно [3,4], что *отрасль* - это отдельная область деятельности, науки, производства, экономики. Поэтому в первом предложении данного утверждения [1, с. 144] авторам статьи [1, с. 144-156] следовало бы конкретно обозначить, «цифровизация» каких именно «отраслей» якобы, «происходит» (в данном случае: либо экономических, хозяйственных, либо промышленных, инфраструктурных, сервисных);

- в-третьих, из содержания первого предложения данного утверждения [1, с. 144] непонятно, о каких именно пространственно-географических «отраслях» (российских, зарубежных, международных, мировых или

глобальных) в нем идет речь? И именно во введении статьи [1, с. 144-156] следовало бы первую очередь уточнить эту «отраслевую» деталь;

- в-четвертых, известно [3,4], что *розница* - это товар, продаваемый поштучно или небольшими партиями для личного или домашнего потребления. Также известно, что FMCG (англ. fast-moving consumer goods) - это быстро, в большом объеме продающиеся товары (причем такую продукцию называют потребительской, или товарами народного потребления). Поэтому «розничная торговля» и «FMCG» - это по сути одно и то же явление (одна и та же «отрасль»). И в связи с этим осуществленное в первом предложении данного утверждения [1, с. 144] их противопоставление как разных отраслей или объектов представляется в научно-экономическом или в хозяйственно-практическом смысле **неправомерным или необоснованным**;

- в-пятых, затем сообщать о том (как это с явно излишним апломбом сделали авторы статьи [1, с. 144-156] в первом предложении данного утверждения [1, с. 144]), что де «образование» имеет, якобы, «значимое преимущество в капитале, имидже на рынке и стабильные контракты с заказчиками» также представляется в научно-экономическом или в хозяйственно-практическом смысле **неправомерным или необоснованным**;

- в-шестых, кроме того, известно [3], что *подвижный* – это живой, легкий, быстрый в движениях, а *скорость* – это степень быстроты движения. Поэтому примененное во втором предложении данного утверждения [1, с. 144] выражение - «имеют преимущество в... *скорости*... и *подвижности*» - в определенном смысле представляется недопустимой для научно-исследовательских трудов и учебной литературы сферы высшего и среднего профессионального образования **тавтологией** (плеоназмом - [2]). К тому же в этом предложении следовало бы сообщить читателям статьи [1, с. 144-156] («обучающимся в системе трехуровневого высшего образования по логистике, системах дополнительной профессиональной подготовки и повышения квалификации, преподавателям и научным работникам, представителям органов административного управления и практикующим логистам» [1, с. 2]) о каких именно «системах компаний - цифровых лидеров» в нем идет речь;

- в-седьмых, и, наконец, судя по названию статьи [1, с. 144-156] ее авторы во втором предложении данного утверждения [1, с. 144] должны были обозначить не просто «системы», именно «корпоративные логистические системы». Однако, при этом становится не совсем понятным, что конкретно эти авторы подразумевают под «под преимуществами в гибкости, скорости и подвижности корпоративных логистических систем», а особенно под их («систем») «преимуществом в риске»? Увы, приемлемые ответы на этот и другие подобные вопросы в статье [1, с. 144-156] обнаружить априори невозможно.

Потому и здесь налицо – очередные свойственные научному изданию [1] противоречия исследовательского и редакционного характера в виде алогизма в первом значении (нелогичность, несовместимость с требованиями логики [2]) и алогизма во втором его значении (намеренное нарушение в речи логических связей с целью создания стилистического эффекта [2]).

Противоречие 70. Далее в статье Гвилия Н.А. и Михайловой К.О. [1, с. 144-156] излагалось буквально следующее утверждение:

«На основании разработок научной школы логистики СПбГЭУ [3, 6, 10, 11], можно выделить основные черты цифровой трансформации корпоративных логистических систем:

1. Цифровизация существенно изменяет конкурентную среду всех логистических систем.

2. Большинство отраслей уже затронуты цифровой трансформацией корпораций и отрасль понимает тенденции цифровизации их рынка.

3. Корпоративные структуры следуют последовательному подходу к цифровой трансформации для своей бизнес-модели на всех уровнях, некорпоративные структуры склонны к хаотичному внедрению технологий как реакции на цифровые разработки.

4. Большинство логистических систем по-прежнему недооценивает возможности цифровизации в операционной деятельности и в перепроектировании цепи поставок.

5. Нет однозначного лидера цифровизации в отраслях; однако у каждой отрасли есть свои опережающие показатели.

6. Большинство корпораций недооценивают или игнорируют потенциальные угрозы от цифровой трансформации.

7. Темпы трансформации медленные, хотя корпорации постоянно сталкиваются с быстро развивающейся цифровой конкуренцией.

8. Сторонняя интеграция цифровых технологий часто недооценивается, поскольку корпорации стремятся быть лучшими на соответствующем рынке» [1, с. 145-146].

Относительно данного утверждения [1, с. 145-146] можно и необходимо зафиксировать недопустимые для всякой научной и учебной литературы высшего и среднего профессионального образования наиболее очевидные смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, известно, что под воздействием чего-то какое-нибудь экономическое явление может существенно изменяться, как в лучшую, так и в худшую стороны. Также известно, что всякая государственная кампания или совокупность мероприятий (например, та же «цифровизация экономики страны») хотя и должна быть направлена только на улучшение национального хозяйствования, но отнюдь не всегда оно наступает. Поэтому в формулировке «черты 1» данного утверждения [1, с. 145-146] следовало бы

после глагола» изменяет» употребить выражение «в лучшую сторону»;

- во-вторых, известно [4], что *конкуренция* – это состязание между *экономическими субъектами*, когда *их самостоятельные действия* эффективно ограничивают возможность каждого из них односторонне воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке: борьба за рынки сбыта товаров, с *целью* получения более высоки доходов, прибыли, других выгод. Вместе с тем давно и широко известно, что логистическая система (как одна из подсистем промышленно-хозяйственной системы) состоит из соответствующих структурных подразделений (службы логистики, отделов снабжения (ОМТС) и сбыта, транспортного отдела и др.) и объектов (складов, помещений логистических подразделений, внутрипроизводственных транспортных средств, собственного транспорта внешнего пользования и др.) промышленного предприятия как организации коммерческого типа. И в связи с этим никаких особых самостоятельных целей у логистической системы и быть не должно, кроме эффективного выполнения задач, поставленных руководством промышленного предприятия. То есть всякая логистическая система отнюдь не может конкурировать и являться самостоятельно действующим экономическим (хозяйствующим) субъектом;

- в-третьих, в связи вышеизложенными обстоятельствами формулировку «черты 1» из данного утверждения [1, с. 145-146] следовало бы изложить, например, в следующих вариантах: либо «цифровизация может существенно изменить в лучшую сторону конкурентоспособность промышленных корпораций (в том числе и входящих в их состав логистических систем»); либо «более успешная цифровизация в большей степени повышает конкурентоспособность промышленных предприятий и их логистических систем»;

- в-четвертых, известно [3,4], что *отрасль* - это отдельная область деятельности, науки, производства, экономики. Поэтому в формулировке «черты 2» из данного утверждения [1, с. 145-146] следовало бы конкретно обозначить «большинство» каких именно «отраслей» (в данном случае: либо экономических, хозяйственных, либо промышленных, инфраструктурных, сервисных), якобы, «уже затронуты». Вместе с тем также известно [3], что *затронуть* – это то же, что *задеть*, а *задеть* – это коснуться кого-чего-нибудь, зацепиться за кого-чего-нибудь при движении. И в связи с этим, в ней же (формулировке «черты 2») следовало бы вместо семантически сомнительного глагола «затронуть» употребить достаточно приемлемое выражение - «подверглись (полной или частичной) цифровой трансформации»;

- в-пятых, затем в формулировке «черты 2» следовало бы вместо семантически сомнительного существительного «отрасль» употребить достаточно приемлемое для данного случая

выражение, например, - «каждая из этих отраслей». Кроме того, в ней же (формулировке «черты 2») следовало бы вместо семантически сомнительного словосочетания - «их рынка» - употребить какое-нибудь достаточно приемлемое для данного случая выражение - «товарных рынков корпораций, входящих в соответствующую отрасль»;

- в-шестых, в формулировке «черты 3» из данного утверждения [1, с. 145-146] упоминаются некие «корпоративные структуры». Однако, известно [3], что *структура* – это внутреннее устройство. Поэтому непонятно, что конкретно авторы статьи [1, с. 144-156] подразумевают под «корпоративными структурами», то есть под корпоративными внутренними устройствами? Вместе с тем, поскольку в нем выше речь шла, все-таки, о «корпорациях», то в этой формулировке следовало бы вместо семантически сомнительного выражения - «корпоративные структуры» - употребить либо достаточно приемлемое для данного случая словосочетание - «корпоративные подразделения», либо уже примененное в данном утверждении выше слово «корпорации»;

- в-седьмых, к тому же примененное в формулировке «черты 3» из данного утверждения [1, с. 145-146] выражение - «*следуют последовательному* подходу» - в буквальном смысле представляется недопустимой для научно-исследовательских трудов и учебной литературы сферы высшего и среднего профессионального образования *тавтологией* (плеоназмом - [2]);

- в-восьмых, более того, словесная конструкция второй части формулировки «черты 3» из данного утверждения [1, с. 145-146] построена семантически крайне некорректно. Так, в частности, лишь от упоминания авторами статьи [1, с. 144-156] так называемых «некорпоративных структур» (то есть «некорпоративных» внутренних устройств) читатели этой статьи («обучающимся в системе трехуровневого высшего образования по логистике, системах дополнительной профессиональной подготовки и повышения квалификации, преподавателям и научным работникам, представителям органов административного управления и практикующим логистам» [1, с. 2]) вполне могут, как говорится в народе, «просто выпасть в осадок». И такую уже негативную ситуацию вполне может усугубить то обстоятельство, что по весьма сомнительному заверению авторов статьи [1, с. 144-156] именно эти «некорпоративные внутренние устройства», якобы, постоянно и повсеместно «склонны к хаотичному (беспорядочному – Р.Л.) внедрению технологий»;

- в-девятых, в формулировке «черты 1» из данного утверждения [1, с. 145-146] сообщается, что «*большинство отраслей уже затронуты (!) цифровой трансформацией корпораций* и каждая из этих отраслей понимает тенденции цифровизации». Однако в формулировке «черты 4» из данного утверждения [1, с. 145-146] сообщается, что наоборот «*большинство логистических систем по-прежнему недооценивает (!) возможности цифровизации*». То есть здесь налицо

- две противоположные тенденции в понимании важности цифровизации. Поэтому авторам статьи [1, с. 144-156] следовало бы хотя бы кратко пояснить сущность такого феномена в процессе «цифровой трансформации отраслей, корпораций и логистических систем»;

- в-десятих, известно [3], что *однозначный* – это тождественный по смыслу с другим, имеющий только одно значение, обозначаемый одной цифрой. Также известно [3,4], что *отрасль* - это отдельная область деятельности, науки, производства, экономики. Поэтому в формулировке «черты 5» из данного утверждения [1, с. 145-146] следовало бы вместо семантически сомнительного выражения - «нет однозначного лидера цифровизации в отраслях» - употребить достаточно приемлемое для данного случая словосочетание, например, - «среди хозяйственных отраслей нет явного лидера по степени цифровизации». Кроме того, в ней же (формулировке «черты 5») следовало бы вместо семантически сомнительного словосочетания - «однако у каждой отрасли есть свои опережающие показатели» - употребить какое-нибудь достаточно приемлемое для данного случая выражение, например, - «однако в каждой такой отрасли несомненно есть корпорация, которая имеет наилучшие показатели цифровизации своих логистических систем»;

- в-одиннадцатых, известно [3], что *угроза* – это возможная (потенциальная) опасность. Вместе с тем в формулировке «черты 1» из данного утверждения [1, с. 145-146] сообщается, что «*большинство отраслей уже затронуты цифровой трансформацией корпораций и каждая из этих отраслей понимает (!) тенденции цифровизации*». Однако в формулировке «черты 6» из данного утверждения [1, с. 145-146] сообщается, что наоборот «*большинство корпораций недооценивают (!) ... потенциальные угрозы от цифровой трансформации*» (то есть не понимают опасность цифровизации). И в связи с этим, с одной стороны, здесь налицо - две противоположные тенденции в понимании важности «цифровизации», и потому авторам статьи [1, с. 144-156] следовало бы хотя бы кратко пояснить сущность такого другого феномена в процессе «цифровой трансформации отраслевых корпораций». А, с другой стороны, им бы следовало бы хотя бы кратко пояснить суть этих «угроз»;

- в-двенадцатых, известно [4], что *конкуренция* – это состязание между *экономическими субъектами*, когда *их самостоятельные действия* эффективно ограничивают возможность каждого из них односторонне воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке: борьба за рынки сбыта товаров, с *целью* получения более высоки доходов, прибыли, других выгод. Поэтому читателям статьи [1, с. 144-156] может стать непонятно, с какой-сякой «быстро развивающейся цифровой (!) конкуренцией» (упоминаемой в

формулировке «черты 7» из данного утверждения [1, с. 145-146]), якобы, могут «постоянно сталкиваться корпорации»;

- в-тринадцатых, известно [2,3], что *сторонняя* – это посторонняя, чужая, а что *интеграция* – это объединение в целое каких-нибудь частей, элементов. Поэтому совершенно непонятно, какое-такое *чужое объединение* «цифровых технологий» имеют в виду авторы статьи [1, с. 144-156] в формулировке «черты 8» из данного утверждения [1, с. 145-146]? Кроме того, в этой же формулировке указанным авторам следовало бы вместо семантически сомнительного выражения - «часто недооценивается, поскольку корпорации» - употребить достаточно приемлемое для данного случая словосочетание, например, - «корпорации часто недооценивают, поскольку они».

- в-четырнадцатых, и, наконец, следует отметить, что авторы статьи [1, с. 144-156] крайне опрометчиво так аляповато наляпали содержание всех восьми «черт цифровой трансформации корпоративных логистических систем», да еще и под эгидой «научной школы логистики СПбГЭУ».

В результате здесь налицо – очередные свойственные научному изданию [1] противоречия исследовательского и редакционного характера в виде алогизма в первом значении (нелогичность, несовместимость с требованиями логики [2]) и алогизма во втором его значении (намеренное нарушение в речи логических связей с целью создания стилистического эффекта [2]).

Литература

1. Развитие науки и научно-образовательного трансфера логистики / под научной ред. д-ра экон. наук, проф. В.В. Щербакова. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. – 220 с.

2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2021. – 1360 с.

3. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Рус. яз., 1998. – 848 с.

4. Борисов А.Б. Большой экономический словарь. – М.: Книжный мир, 2008. – 860 с.

2. ПРОТИВОРЕЧИЯ В СТАТЬЕ О РАЗВИТИИ КОРПОРАТИВНЫХ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Леонтьев Р.Г.

д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник (Хабаровский федеральный исследовательский центр ДВО РАН, г. Хабаровск, РФ)

2. CONTRADICTIONS IN THE ARTICLE ON THE DEVELOPMENT OF CORPORATE LOGISTICS SYSTEMS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

R.G. Leontiev

doctor of Economics, professor, chief Researcher (Khabarovsk Federal Research Center of the Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk city, Russia)
DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2024.1.104.939

АННОТАЦИЯ

В работе рассматривается содержание второй части статьи кандидата экономических наук, доцента Гвилия Н.А. и кандидата экономических наук Михайловой К.О. под названием «Развитие корпоративных логистических систем в условиях цифровизации». В результате данного рассмотрения выявлены противоречия, свойственные содержанию данной статьи.

ANNOTATION

The paper examines the content of the second part of the article by Candidate of Economic Sciences, Associate Professor Gwilia N.A. and Candidate of Economic Sciences Mikhailova K.O. entitled "Development of corporate logistics systems in the context of digitalization". As a result of this review, contradictions inherent in the content of this article are revealed.

Ключевые слова:

Корпоративные логистические системы, развитие в условиях цифровизации, авторские утверждения, познавательные и редакционно-смысловые противоречия.

Key words:

Corporate logistics systems, development in the context of digitalization, author's statements, cognitive and editorial-semantic contradictions.

В этой работе изложены противоречия, выявленные во второй части статьи кандидата экономических наук, доцента Гвилия Н.А. и кандидата экономических наук Михайловой К.О. под названием «Развитие корпоративных

логистических систем в условиях цифровизации» [1, с. 144-156].

Противоречие 71. В статье Гвилия Н.А. и Михайловой К.О. [1, с. 144-156] излагалось буквально следующее утверждение:

«На наш взгляд, основными драйверами развития цифровых технологий в корпоративных логистических системах являются:

- Новые возможности развития и оптимизации процессов проблемных мест.

- Изменения в других системах корпорации.

- Изменения конкурентной среды: давление со стороны корпораций отрасли, а также со стороны поставщиков ИТ-услуг» [1, с. 148].

Относительно данного утверждения [1, с. 148] можно и необходимо зафиксировать недопустимые для всякой научной и учебной литературы высшего и среднего профессионального образования наиболее очевидные смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, известно [2], что *драйвер* (инф.) – это специальная программа ЭВМ для распознавания другого языка программирования. Вместе с тем известно (<https://ru.wikipedia.org/wiki>), что *драйвер* (англ. driver) – это компьютерное программное обеспечение, с помощью которого другое программное обеспечение (операционная система) получает доступ к аппаратному обеспечению некоторого устройства. Поэтому, непонятно, что конкретно подразумевается под приведенными в формулировке первого предложения данного утверждения [1, с. 148] (и в единственном случае во всей статье [1, с. 144-156]) понятием «драйвер» (кстати, и под выражением «драйверами развития цифровых технологий»? Если это не «специальная программа» или «программное обеспечение», а что-нибудь иное (факторы, результаты, причины, необходимости и т.п.), то авторам статьи [1, с. 144-156] следовало бы: либо кратко пояснить смысл или дать определение этого понятия; либо сделать ссылку на источник, где даны соответствующие пояснения или определения;

- во-вторых, также известно [2], что *фактор* (книжн.) – это движущая сила, причина какого-нибудь процесса, явления. Поэтому, исходя из истинного смысла данного утверждения [1, с. 148], следовало бы вместо семантически сомнительного слова - «драйверы» - употребить какое-нибудь достаточно приемлемое для данного случая понятие «факторы». И поскольку сомнительное применение в данном случае англицизма – *драйверы* (хотя существует широко используемое слово «факторы») является самым ярким образчиком пресловутой квазинаучности, то здесь вполне может создаться впечатление, что авторы статьи [1, с. 144-156] при формулировке первого предложения данного утверждения [1, с. 148] в задались целью, как говорится в народе, «взять быка за рога и запудрить мозги» своим читателям («обучающимся в системе трехуровневого высшего образования по логистике, системах дополнительной профессиональной подготовки и повышения квалификации, преподавателям и научным работникам, представителям органов

административного управления и практикующим логистам» [1, с. 2]);

- в-третьих, словесная конструкция формулировки данного утверждения [1, с. 148] построена семантически крайне некорректно. Так, в частности, примененное в нем выражение - «...драйверами *развития*... являются возможности *развития*...» - в буквальном смысле представляется недопустимой для научно-исследовательских трудов и учебной литературы сферы высшего и среднего профессионального образования *тавтологией* (плеоназмом - [3]);

- в-четвертых, известно [3], что *оптимизация* – это выбор оптимального (наилучшего) варианта из множества возможных. Поэтому приведенное в формулировке второго предложения данного утверждения [1, с. 148] выражение – «оптимизации процессов проблемных мест» (то есть «выборы наилучших вариантов проблемных мест из множества возможных») представляется ничем иным, как *семантическим лягушом*. И в связи с этим в этой формулировке авторам статьи [1, с. 144-156] следовало бы, как минимум, после существительного «процессов» употребить какое-нибудь приемлемое для данного случая слово, например, «ликвидации» или «устранения»;

- в-пятых, вместе с тем, с одной стороны, известно, что под воздействием чего-то какое-нибудь экономическое явление может существенно изменяться, как в лучшую, так и в худшую стороны. Поэтому в формулировке третьего предложения данного утверждения [1, с. 148] следовало бы после отглагольного существительного «изменения» употребить выражение «в лучшую сторону». А, с другой стороны, фактор развития цифровых технологий в корпорации в целом (в том числе и в ее логистической системе) может дать гораздо лучший эффект, нежели фактор развития цифровизации только ее (корпорации) логистической системы, за которую так *сомнительно и необоснованно ратуют* авторы статьи [1, с. 144-156];

- в-шестых, кроме того, поскольку известно, что под воздействием чего-то какое-нибудь экономическое явление может существенно изменяться, как в лучшую, так и в худшую стороны, то и в формулировке четвертого предложения данного утверждения [1, с. 148] также следовало бы после отглагольного существительного «изменения» употребить выражение «в лучшую сторону». Затем в этой же формулировке авторам статьи [1, с. 144-156] следовало бы вместо семантически сомнительного выражения - «давление со стороны корпораций отрасли» - употребить какое-нибудь достаточно приемлемое для данного случая словосочетание, например, - «превосходство в конкурентном соперничестве с другими корпорациями отрасли»;

- в-седьмых. и, более того, совершенно непонятно, какое-такое «давление... со стороны поставщиков ИТ-услуг», якобы, в «конкурентной среде» может испытывать конкретная «корпорация»? Ведь на самом деле «поставщики

IT-услуг» всего лишь предлагают (как правило, в вежливой форме) какой-то конкретной «корпорации» купить свою товарную продукцию по определенной ими цене, а отнюдь не стремятся оказывать на нее крайне неуместное на соответствующем рынке «давление» (как это опять же *сомнительно* и *необоснованно* свидетельствуют авторы статьи [1, с. 144-156]);

- в-четырнадцатых, и, наконец, следует отметить, что авторы статьи [1, с. 144-156] крайне опрометчиво так аляповато наляпали содержание всех «основными драйверами развития цифровых технологий в корпоративных логистических системах», но уже по собственной инициативе.

В итоге здесь налицо – очередные свойственные научному изданию [1] противоречия исследовательского и редакционного характера в виде алогизма в первом значении (нелогичность, несовместимость с требованиями логики [3]) и алогизма во втором его значении (намеренное нарушение в речи логических связей с целью создания стилистического эффекта [3]).

Противоречие 72. В статье Гвилия Н.А. и Михайловой К.О. [1, с. 144-156] дальше излагалось буквально следующее утверждение:

«Основными результатами цифровизации корпоративных логистических систем должны являться:

- обеспечение полной видимости и прозрачности логистической системы;
- увеличение гибкости и реактивности логистической цепи;
- быстрая синхронизация спроса и предложения и целью корректировки;
- ассортимента и объемов производства;
- эффективная коммуникация всех участников логистической системы корпорации;
- структурирование и анализ больших объемов корпоративного массива данных;
- оптимизация управления информационными потоками, сопровождающие сделки;
- совершенствование логистического обслуживания; —Операционная эффективность логистической системы;
- управление рисками корпорации» [1, с. 150].

Относительно данного утверждения [1, с. 150] можно и необходимо зафиксировать недопустимые для всякой научной и учебной литературы высшего и среднего профессионального образования наиболее очевидные смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, словесная конструкция формулировки данного утверждения [1, с. 150] построена семантически некорректно (с элементарными грамматическими ошибками). Так, если условно пока не касаться достоверности данного утверждения, то в отношении его формулировки следовало бы осуществить следующие действия: а) в описании четвертого «результата цифровизации» вместо соединительного союза «и» употребить предлог

«с»; б) в описании пятого «результата цифровизации» вместо существительных «ассортимента» и «объемов» применить соответственно слова «ассортимент» и «объемы»; в) в описании седьмого «результата цифровизации» вместо прилагательного «сопровождающие» употребить слово «сопровождающих»;

- во-вторых, кроме того, словесная конструкция формулировки данного утверждения [1, с. 150] и в редакционно-смысловом отношении построена семантически не квалифицированно. Так, в отношении этой формулировки следовало бы осуществить следующие действия: а) вместо семантически сомнительного выражения – «основными результатами цифровизации корпоративных логистических систем *должны* (?) являться:» - следовало бы употребить достаточно приемлемое словосочетание, например, – «цифровизации корпоративных логистических систем, как правило, свойственны следующие основные результаты»; б) вместо семантически сомнительного выражения – «обеспечение *полной видимости* (?) и *прозрачности* (?) логистической системы» - следовало бы употребить достаточно приемлемое словосочетание, например, – «обеспечение эффективного контроля за деятельностью логистической системы»; в) вместо семантически сомнительного выражения – «быстрая синхронизация спроса и предложения и целью корректировки» - следовало бы употребить достаточно приемлемое словосочетание, например, – «своевременная корректировка предложения посредством его синхронизации со спросом»; г) вместо семантически сомнительного (неточно отражающего суть явления) выражения – «ассортимента и объемов производства» - следовало бы употребить достаточно приемлемое словосочетание, например, – «развитие (расширение) ассортимента и увеличение объемов товарной продукции»; д) вместо семантически сомнительного (неточно отражающего суть явления) выражения – «эффективная коммуникация всех участников логистической системы корпорации» - следовало бы употребить достаточно приемлемое словосочетание, например, – «эффективное взаимодействие всех сотрудников, служб и объектов логистической системы корпорации»; е) вместо семантически сомнительного (неточно отражающего суть явления) выражения – «управление рисками корпорации» - следовало бы употребить достаточно приемлемое словосочетание, например, – «успешное выявление потенциальных «рисков и последующая ликвидация причин их возникновения»; ж) исключить из данного утверждения [1, с. 150] остальные упомянутые авторы статьи [1, с. 144-156] «основные результаты», как некорректно сформулированные.

Поэтому здесь налицо – очередные свойственные научному изданию [1] противоречия исследовательского и редакционного характера в виде парадокса во втором его значении (в формальной логике: противоречие, возникающее

при сохранении логической правильности хода рассуждений [3]).

Противоречие 73. В качестве предпоследнего абзаца статьи Гвилия Н.А. и Михайловой К.О. [1, с. 144-156] дальше излагалось буквально следующее утверждение:

«В современной цифровой экономике время и скорость имеют решающее значение, заставляя корпоративные логистические системы трансформироваться, чтобы сохранить свои конкурентные преимущества. Однако на практике, ввиду резкого роста и развития большого числа технологий перед корпоративными логистическими системами стоит вопрос, с чего начать трансформацию и какие шаги для этого необходимы» [1, с. 155].

Относительно данного утверждения [1, с. 155] можно и необходимо зафиксировать недопустимые для всякой научной и учебной литературы высшего и среднего профессионального образования наиболее очевидные смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, в формулировке первого предложения данного утверждения [1, с. 155] **недостаточно достоверно** сообщается, что «корпоративные логистические системы», якобы, должны «трансформироваться, чтобы сохранить свои конкурентные преимущества». Однако, известно [4], что **конкуренция** – это состязание между **экономическими субъектами**, когда **их самостоятельные действия** эффективно ограничивают возможность каждого из них односторонне воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке: борьба за рынки сбыта товаров, с **целью** получения более высоки доходов, прибыли, других выгод. Вместе с тем давно и широко известно, что логистическая система (как одна из подсистем промышленно-хозяйственной системы) состоит из соответствующих структурных подразделений (службы логистики, отделов снабжения (ОМТС) и сбыта, транспортного отдела и др.) и объектов (складов, помещений логистических подразделений, внутрипроизводственных транспортных средств, собственного транспорта внешнего пользования и др.) промышленного предприятия как организации коммерческого типа. И в связи с этим никаких особых самостоятельных целей у логистической системы и быть не должно, кроме эффективного выполнения задач, поставленных руководством промышленного предприятия. То есть всякая логистическая система отнюдь не может с кем-то конкурировать, поскольку на самом деле не является самостоятельно действующим экономическим (хозяйствующим) субъектом;

- во-вторых, примененное в формулировке второго предложения из данного утверждения [1, с. 155] выражение - «резкого **роста... большого числа**» - в определенном смысле представляется недопустимой для научно-исследовательских

трудов и учебной литературы сферы высшего и среднего профессионального образования **тавтологией** (плеоназмом - [3]);

- в-третьих, кроме того, примененное в формулировке второго предложения из данного утверждения [1, с. 155] выражение – «на практике» - представляется излишним, поскольку содержательный аспект первого предложения этого же утверждения также относится к хозяйственной практике (в частности, необходимость «сохранения конкурентных преимуществ» кого-то).

Поэтому здесь налицо – очередные свойственные научному изданию [1] противоречия исследовательского и редакционного характера в виде парадокса во втором его значении (в формальной логике: противоречие, возникающее при сохранении логической правильности хода рассуждений [3]).

Противоречие 74. В качестве заключительного абзаца статьи Гвилия Н.А. и Михайловой К.О. [1, с. 144-156] дальше излагалось буквально следующее утверждение:

«Итак, на сегодняшний день преимущественно корпорации являются первопроходцами в области внедрения цифровых технологий, применимых для своей отрасли. Находясь ближе к цифровому центру, они берут на себя расходы и риски по запуску и адаптации технологии к своим бизнес-единицам в частности, и отрасли в целом. Создавая готовые цифровые решения логистических проблем, они формируют рынок востребованных информационных технологий - появляется спрос на внедрение работающих в корпорациях IT-решений со стороны среднего и малого бизнеса и предложение со стороны компаний разработчиков цифровых продуктов» [1, с. 155].

Относительно данного утверждения [1, с. 155] можно и необходимо зафиксировать недопустимые для всякой научной и учебной литературы высшего и среднего профессионального образования наиболее очевидные смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, словесная конструкция формулировки данного утверждения [1, с. 155] построена семантически некорректно (с элементарными грамматическими и смысловыми ошибками). Так, в частности, если условно пока не касаться достоверности данного утверждения, то в его формулировке следовало бы следовало бы осуществить следующие действия: а) вместо семантически некорректного выражения – «применимых для своей отрасли» - употребить достаточно приемлемое словосочетание, например, - «успешно применяемых в соответствующих им отраслях»; б) вместо существительного «технологии» употребить слово «технологий»; в) после термина «бизнес-единицам» поставить запятую; г) вместо глагола «появляется» употребить слово «появляются»; д) в третьем предложении данного утверждения вместо местоимения «они» использовать существительное

«корпорации»; е) в этом же предложении после «технологий» поставить запятую и вместо тире употребить выражение «в результате чего»; ж) и в нем же вместо «прилагательного «работающих» применить слово «созданных (разработанных)» или словосочетание «эффективно используемых»; з) и, наконец, вместо выражения – «компаний разработчиков» употребить понятие «корпораций-разработчиков»;

- во-вторых, примененное в формулировке второго предложения из данного утверждения [1, с. 155] выражение – «находясь ближе к **цифровому центру**, они берут на себя расходы» - представляется крайне сомнительным и вызывающим у недоумевающих читателей целый ряд вопросов. Так, например, совершенно непонятно, что-кто конкретно подразумевается под так называемым «**цифровым центром**»? Почему в статье [1, с. 144-156] «цифровой центр» упоминается только раз? И почему в ней (статье) не приведено его определение или не сделана ссылка на источник, где раскрыта его («цифрового центра») содержательная сущность? Почему лишь «корпорации», находящиеся ближе к цифровому центру, берут на себя расходы? А разве корпорации, находящиеся чуть подальше от него, не «берут на себя расходы»? И разве корпорации, находящиеся на приличном расстоянии от «цифрового центра», не могут «являться первопроходцами в области внедрения цифровых технологий»? Увы, приемлемые ответы на эти и другие подобные вопросы в статье [1, с. 144-156] обнаружить априори невозможно;

- в-третьих, более того, сообщая в формулировке третьего предложения из данного утверждения [1, с. 155] о том, что корпорации избирательно создают «готовые цифровые решения», якобы, только «логистических проблем». То есть получается, что корпорации вообще не создают «готовые цифровые решения» для маркетинговых, производственных, инновационных, финансовых и кадровых проблем. А как же тогда обойтись без последних представителям «среднего и малого бизнеса»? Поэтому формулировка данного утверждения [1, с. 155] может стать непонятной читателям статьи [1, с. 144-156] («обучающимся в системе трехуровневого высшего образования по логистике, системах дополнительной профессиональной подготовки и повышения квалификации, преподавателям и научным работникам, представителям органов административного управления и практикующим логистам» [1, с. 2]).

В итоге здесь наличие – очередные свойственные научному изданию [1] противоречия исследовательского и редакционного характера в виде алогизма в первом значении (нелогичность, несовместимость с требованиями логики [3]) и алогизма во втором его значении (намеренное нарушение в речи логических связей с целью создания стилистического эффекта [3]).

Противоречие 75. Вместе с тем в статье Гвилия Н.А. и Михайловой К.О. [1, с. 144-156] можно и необходимо зафиксировать недопустимые для всякой научной и учебной литературы очевидные редакционные невязки, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, в соответствии с общепринятыми «требованиями (рекомендациями) к структуре и содержанию научных публикаций» ссылки должны быть пронумерованы либо, как правило, в том порядке, в котором они проставлены в тексте, либо по алфавиту. Однако, в статье Гвилия Н.А. и Михайловой К.О. [1, с. 144-156], в которой был использован указанный выше второй вариант, следовало бы поменять позиции источников следующим образом: 2 на 6, 3 на 4, 4 на 5, 5 на 2 и 6 на 5;

- во-вторых, затем в соответствии с общепринятыми «требованиями (рекомендациями) к структуре и содержанию научных публикаций» на все приведенные в библиографическом списке использованные источники в основном тексте статьи должны быть представлены ссылки. Однако в основном тексте статьи [1, с. 144-156] приведены ссылки всего лишь на восемь (2,3,6,10,11,13,14,15) источников из пятнадцати (1-15), позиционируемых в ее (статье) списке «Литература» [1, с. 155-156]. Поэтому из этого списка следует исключить позиции семи источников (1,4,5,7,8,9,12), на которые в тексте статьи Гвилия Н.А. и Михайловой К.О. [1, с. 144-156] не сделаны ссылки;

- в-третьих, в приведенном в статье Гвилия Н.А. и Михайловой К.О. [1, с. 144-156] списке «Литература» [1, с. 155-156] названия источников под позициями 2, 3, 5-7 и 13-15 представлены неверно, то есть не в соответствии с общероссийскими правилами оформления библиографии источников.

Поэтому здесь наличие – очередные свойственные научному изданию [1] противоречия редакционного характера в виде алогизма в первом его значении (нелогичность, несовместимость с требованиями логики [3]).

Противоречие 76 (комплексное). Заканчивая данный подраздел 6.2 настоящего экспертного исследования, следует отметить, что в статье Гвилия Н.А. и Михайловой К.О. [1, с. 144-156] нетрудно выявить и массу других весьма существенных противоречий, недопустимых для всякой научной и учебной литературы высшего и среднего профессионального образования. Однако, если вдруг кому-то понадобится такое выявление, то более подробное определение упомянутых здесь выше многочисленных противоречий может быть предметом другой экспертно-исследовательской работы.

Здесь же необходимо обнародовать самое общее противоречие, заключающееся в фиксации в статье Гвилия Н.А. и Михайловой К.О. [1, с. 144-156] следующих недопустимых для всякой научной и учебной литературы высшего и среднего

профессионального образования наиболее очевидных смысловых невязок исследовательского и редакционного характера:

- во-первых, большая часть основного текста статьи Гвилия Н.А. и Михайловой К.О. [1, с. 144-156] представляет собой в лучшем случае *фактографию* (описание фактов без их анализа, обобщения [3]). А ведь это представляется крайне недопустимым явлением для всякой научной литературы, подготовленной в сфере высшего профессионального образования;

- во-вторых, авторы статьи [1, с. 144-156], почему-то, проигнорировали тот факт, что уже в то время (2019 год, когда было опубликовано научное издание [1]) реализовывался невыгодный для РФ сценарий функционирования мировой и национальных экономик, характеризуемый следующими негативными факторами (политическими рисками): влияние международных санкций на экономики стран, отдельных отраслей и компаний; ухудшение межгосударственных отношений; локальные военные действия; массовая миграция из зон нестабильности; террористические угрозы и воздействия на объекты инфраструктуры и пр. А ведь это крайне негативно сказывается на российской практической реализации приведенных этими авторами «основных факторов и результатов цифровизации корпоративных логистических систем»;

- к-третьих, затем следует отметить, что статья Гвилия Н.А. и Михайловой К.О. [1, с. 144-156] (впрочем, как и другие статьи, представленные в научном издании [19]) в весьма значительной мере не соответствует общепринятым (международным, общероссийским) требованиям к структуре и содержанию научных публикаций. Так, например, во введении публикации применяются специализированные термины (и представленные в ее названии - в первую очередь), которые будут использоваться в дальнейшем. Однако во введении статьи Гвилия Н.А. и Михайловой К.О. [1, с. 144-156] напрочь отсутствуют определения таких базовых для нее понятий, как «цифровизация

экономики», «корпорации» и «логистические системы». К тому же в этой статье вообще не представлены дискуссионные положения, не обозначены конкретные научные результаты и не раскрыта их содержательная сущность;

- в-четвертых, и, наконец, словесные конструкции практически всех формулировок основного текста статьи Гвилия Н.А. и Михайловой К.О. [1, с. 144-156] в редакционно-смысловом отношении построены семантически не квалифицированно. И за примером, как говорится в народе, «далеко ходить не надо». Поскольку одними из ярких образчиков подобной не квалифицированности (а точнее, непрофессионализма) являются представленные ими авторские утверждения (см. описания противоречий 68-74). Более того, в основном тексте, таблицах и рисунках данной статьи присутствуют элементарные грамматические ошибки, выявление которых может быть предметом другой экспертно-исследовательской работы.

Таким образом здесь налицо – очередные свойственные научному изданию [1] противоречия исследовательского и редакционного характера в виде парадокса во втором его значении (в формальной логике: противоречие, возникающее при сохранении логической правильности хода рассуждений [3]).

Литература

1. Развитие науки и научно-образовательного трансфера логистики / под научной ред. д-ра экон. наук, проф. В.В. Щербакова. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. – 220 с.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2021. – 1360 с.
3. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Рус. яз., 1998. – 848 с.
4. Борисов А.Б. Большой экономический словарь. – М.: Книжный мир, 2008. – 860 с.

ПРОТИВОРЕЧИЯ В СТАТЬЕ ОБ АГРЕГАЦИИ МЕЖФИРМЕННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НА БАЗЕ ЦИФРОВЫХ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПЛАТФОРМ**Леонтьев Р.Г.***д-р. экон. наук, профессор, главный научный сотрудник (Хабаровский федеральный исследовательский центр ДВО РАН, г. Хабаровск, РФ)***CONTRADICTIONS IN THE ARTICLE ON THE AGGREGATION OF INTER-COMPANY INTERACTIONS BASED ON DIGITAL LOGISTICS PLATFORMS****R.G. Leontiev***doctor of Economics, professor, chief Researcher (Khabarovsk Federal Research Center of the Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk city, Russia)*
DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2024.1.104.940**АННОТАЦИЯ**

В работе рассматривается содержание статьи доктора экономических наук, профессора Парфенова А.В. и кандидата технических наук, старшего научного сотрудника Ткача В.В. под названием «Агрегация межфирменных взаимодействий на базе цифровых логистических платформ». В результате данного рассмотрения выявлены противоречия, свойственные содержанию данной статьи.

ANNOTATION

The paper examines the content of an article by Doctor of Economics, Professor Parfenov A.V. and Candidate of Technical Sciences, senior researcher Tkach V.V. entitled "Aggregation of inter-company interactions based on digital logistics platforms". As a result of this review, contradictions inherent in the content of this article are revealed.

Ключевые слова: Логистика, межфирменные взаимодействия, агрегация на базе цифровых платформ, авторские утверждения, познавательные и редакционно-смысловые противоречия.

Key words: Logistics, inter-company interactions, aggregation based on digital platforms, author's statements, cognitive and editorial-semantic contradictions.

В этой работе изложены противоречия, выявленные в статье доктора экономических наук, профессора Парфенова А.В. и кандидата технических наук, старшего научного сотрудника Ткача В.В. под названием «Агрегация межфирменных взаимодействий на базе цифровых логистических платформ» [1, с. 156-175].

Противоречие 77. Сразу бросается в глаза то, что для статьи Парфенова А.В. и Ткача В.В. [1, с. 156-175] характерны недопустимые для всякой научной и учебной литературы очевидные редакционные невязки, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, известно [2], что *абзац* – это часть текста между двумя абзацными отступами, характеризующаяся относительной законченностью и единством смыслового содержания. Также известно [3], что *утверждение* – это положение, мысль, которыми доказывают, утверждают что-нибудь, а *предложение* – это в грамматике: грамматически и интонационно оформленное сочетание слов, выражающее законченную мысль. То есть в тексте какого-нибудь абзаца всякой научно-исследовательской работы, как правило, должно быть изложено одно относительно законченное положение с единственным смысловым содержанием, состоящее из одного или двух-трех предложений. Однако, начальный абзац статьи Парфенова А.В. и Ткача В.В. [1, с. 156-175] представлен на аж *трех*

страницах ([1, с. 156-158]) и состоит из **32 предложений** (!). И лишь поэтому такой весьма гипертрофированный абзац следует считать ничем иным, как ярким *образчиком неумелого (неквалифицированного)* представления положений научной статьи;

- во-вторых, более того, к великому сожалению, таких образчиков неумелого (неквалифицированного) представления научно-исследовательских положений (утверждений, идей, мыслей) в статье Парфенова А.В. и Ткача В.В. [1, с. 156-175] приведено несколько, а, увы, не один. В частности, к таким же образчикам следует отнести абзац, представленный на двух страницах ([1, с. 159-161]) и состоящий из 11 предложений, а также абзац, приведенный на двух страницах ([1, с. 166-167]) и содержащий 21 предложение.

Поэтому здесь налицо – очередное свойственное научному изданию [1] противоречие редакционного характера в виде алогизма в первом его значении (нелогичность, несовместимость с требованиями логики [4]).

Противоречие 78. Кроме того, для статьи Парфенова А.В. и Ткача В.В. [1, с. 156-175] характерны и другие недопустимые для всякой научной и учебной литературы очевидные редакционные невязки, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, в соответствии с общепринятыми «требованиями (рекомендациями) к структуре и

содержанию научных публикаций» на все приведенные в библиографическом списке использованные источники в основном тексте статьи должны быть представлены ссылки. Однако в основном тексте статьи [1, с. 156-175] приведены ссылки лишь на 16 источников из семнадцати (1-17), позиционируемых в ее (статьи) списке «Литература» [1, с. 175]. Поэтому из этого списка следует исключить позицию источника 7, на который в тексте статьи Парфенова А.В. и Ткача В.В. [1, с. 156-175] не сделана ссылка;

- во-вторых, в приведенном в статье Парфенова А.В. и Ткача В.В. [1, с. 156-175] списке «Литература» [1, с. 175] названия источников под позициями 2, 8-10, 16 и 17 представлены неверно, то есть не в соответствии с общероссийскими правилами оформления библиографии источников.

Поэтому здесь налицо – очередные свойственные научному изданию [1] противоречия редакционного характера в виде алогизма в первом его значении (нелогичность, несовместимость с требованиями логики [4]).

Противоречие 79. Затем в статье Парфенова А.В. и Ткача В.В. [1, с. 156-175] можно и необходимо зафиксировать и другие недопустимые для всякой научной и учебной литературы высшего и среднего профессионального образования наиболее очевидные смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, в содержании статьи Парфенова А.В. и Ткача В.В. [1, с. 156-175] специфические особенности именно *логистической* деятельности российских промышленных предприятий (как правило, крупных и средних) представлены весьма в незначительной степени. И это противоречит тематике научного издания [1], отраженной в его названии («Развитие науки и научно-образовательного трансфера *логистики*»), и его раздела IV «Глобализация, регионально-отраслевая дифференциация, корпоратизация и бизнес-процессы в логистике»;

- во-вторых, так, из 19 страниц основного текста статьи Парфенова А.В. и Ткача В.В. [1, с. 156-174] 10 страниц (то есть более половины) посвящено проблемам развития российского малого предпринимательства (главным образом в сфере торговых услуг) без упоминания всякой логистики. Более того, из 11 рисунков этой статьи 8 рисунков (то есть более двух третей) отражают параметры того же российского малого предпринимательства (главным образом в сфере торговых услуг) без упоминания всякой логистики;

- в-третьих, собственно упоминаемая в названии статьи Парфенова А.В. и Ткача В.В. [1, с. 156-174] «агрегация межфирменных взаимодействий» (касающаяся опять же лишь российского малого предпринимательства главным образом в сфере торговых услуг) впервые представлена лишь в заключительной четверти этой статьи [1, с. 170];

- в-четвертых, то что содержание статьи Парфенова А.В. и Ткача В.В. [1, с. 156-175] в целом посвящено главным образом «проблемам *малого бизнеса* (здесь и далее жирный курсив наш – *Р.Л.*)» (а не логистической деятельности) подтверждается следующими сентенциями (воспроизведенными указанными лицами в ее заключении): «...сегодня наибольшую актуальность приобрела проблема, по сути, сохранения, *малого бизнеса*. Ее решение, безусловно, следует искать в плоскости совершенствования государственной поддержки *малого бизнеса*. Однако его субъекты должны сами искать новые модели *предпринимательства*, обеспечивающие их устойчивое развитие. Одной из них следует считать «агрегирование» *малых предприятий* сферы услуг на базе специализированной информационной (цифровой) платформы»;

- в-пятых, вместе с тем в соответствии общепринятым (международным, общероссийским) требованиям к структуре и содержанию научных публикаций их названия должны содержать основные ключевые слова, используемые в их же содержании. Однако в теме (названии) статьи Парфенова А.В. и Ткача В.В. [1, с. 156-175] отнюдь не приведены такие ключевые слова, как «малый бизнес» или «малое предпринимательство». Поэтому тема (название) этой статьи в значительной мере *не отражает* ее (статьи) содержательную сущность;

В итоге здесь налицо – очередные свойственные научному изданию [1] противоречия исследовательского и редакционного характера в виде парадокса во втором его значении (в формальной логике: противоречие, возникающее при сохранении логической правильности хода рассуждений [4]).

Противоречие 80 (комплексное). Заканчивая данный подраздел 6.3 настоящего экспертного исследования, следует отметить, что в статье Парфенова А.В. и Ткача В.В. [1, с. 156-175] нетрудно выявить и массу других весьма существенных противоречий, недопустимых для всякой научной и учебной литературы высшего и среднего профессионального образования. Однако, если вдруг кому-то понадобится такое выявление, то более подробное определение упомянутых здесь выше многочисленных противоречий может быть предметом другой экспертно-исследовательской работы.

Здесь же необходимо обнародовать самое общее противоречие, заключающееся в фиксации в статье Парфенова А.В. и Ткача В.В. [1, с. 156-175] следующих недопустимых для всякой научной и учебной литературы высшего и среднего профессионального образования наиболее очевидных смысловых невязок исследовательского и редакционного характера:

- во-первых, большая часть основного текста статьи Парфенова А.В. и Ткача В.В. [1, с. 156-175] представляет собой в лучшем случае *фактографию* (описание фактов без их анализа, обобщения [4], а в худшем - *компиляцию* (соединение результатов

чужих исследований, мыслей без самостоятельной обработки источников, а также сама работа, составленная таким методом [4]). А ведь и то, и другое представляется крайне недопустимым явлением для всякой научной литературы, подготовленной в сфере высшего профессионального образования;

- во-вторых, затем следует отметить, что статья Парфенова А.В. и Ткача В.В. [1, с. 156-175] (впрочем, как и другие статьи, представленные в научном издании [1]) в весьма значительной мере не соответствует общепринятым (международным, общероссийским) требованиям к структуре и содержанию научных публикаций. Так, например, во введении публикации применяются специализированные термины (и представленные в ее названии - в первую очередь), которые будут использоваться в дальнейшем. Однако во введении статьи Парфенова А.В. и Ткача В.В. [1, с. 156-175] напрочь отсутствуют определения таких базовых для нее понятий, как «агрегация», «межфирменные взаимодействия» и «логистическая платформа». К тому же в этой статье вообще не представлены дискуссионные положения, не обозначены конкретные авторские научные результаты и не раскрыта их содержательная сущность;

- в-третьих, большинство положений статьи Парфенова А.В. и Ткача В.В. [1, с. 156-175] относится к такой отрасли экономической науки и такой учебной дисциплины, как малое предпринимательство, и отнюдь практически мало связано с ее (экономики) логистическим направлением. Более того, в содержании статьи Парфенова А.В. и Ткача В.В. [1, с. 156-175] специфические особенности именно логистической деятельности российских промышленных предприятий (как правило, крупных и средних) в современных условиях вовсе не отражены. И все сказанное здесь, к великому сожалению, полностью противоречит теме научного издания [1], отраженной в его названии («Развитие науки и научно-образовательного трансфера логистики»);

- в-четвертых, и, наконец, словесные конструкции практически всех формулировок основного текста статьи Парфенова А.В. и Ткача В.В. [1, с. 156-175] в редакционно-смысловом отношении построены семантически не квалифицированно. И за примером, как говорится в народе, «далеко ходить не надо». Поскольку одним из ярких образчиков подобной не квалифицированности (а точнее, непрофессионализма) является формулировка второго предложения последнего (заключительного) абзаца статьи Парфенова А.В. и Ткача В.В. [1, с. 156-175]: «*Цифровые платформы, объединяющие такие предприятия, поэтому должны использовать технологии блокчейна [8]*». Более того, в основном тексте и рисунках данной статьи присутствуют элементарные грамматические ошибки, выявление которых может быть предметом другой экспертно-исследовательской работы.

Таким образом здесь налицо – очередные свойственные научному изданию [1] противоречия исследовательского и редакционного характера в виде парадокса во втором его значении (в формальной логике: противоречие, возникающее при сохранении логической правильности хода рассуждений [3]).

Литература

1. Развитие науки и научно-образовательного трансфера логистики / под научной ред. д-ра экон. наук, проф. В.В. Щербакова. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. – 220 с.
2. Новый энциклопедический словарь. – М.: РИПОЛ классик, 2013. – 1568 с.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2021. – 1360 с.
4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Рус. яз., 1998. – 848 с.

1. ПРОТИВОРЕЧИЯ В СТАТЬЕ О МЕНЕДЖМЕНТЕ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ЦИФРОВОГО ТИПА

Леонтьев Р.Г.

*д-р. экон. наук, профессор, главный научный
сотрудник (Хабаровский федеральный исследовательский
центр ДВО РАН, г. Хабаровск, РФ)*

1. CONTRADICTIONS IN THE ARTICLE ON MANAGEMENT DIGITAL TYPE LOGISTICS SYSTEMS

R.G. Leontiev

*doctor of Economics, professor,
chief Researcher (Khabarovsk Federal Research Center of the Eastern Branch of the Russian
Academy of Sciences, Khabarovsk city, Russia)
DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2024.1.104.941*

АННОТАЦИЯ

В работе рассматривается содержание первой части статьи доктора экономических наук, профессора Борисовой В.В. под названием «Менеджмент логистических систем цифрового типа». В результате данного рассмотрения выявлены противоречия, свойственные содержанию данной статьи.

ANNOTATION

The paper examines the content of the first part of the article by Doctor of Economics, Professor Borisova V.V. entitled "Management of digital logistics systems". As a result of this review, contradictions inherent in the content of this article are revealed.

Ключевые слова: Логистические системы, менеджмент цифрового типа, авторские утверждения, познавательные и редакционно-смысловые противоречия.

Key words: Logistics systems, digital type management, author's statements, cognitive and editorial-semantic contradictions.

В этой работе изложены противоречия, выявленные в первой части статьи доктора экономических наук, профессора Борисовой В.В. под названием «Менеджмент логистических систем цифрового типа» [1, с. 176-184].

Противоречие 81. В самом начале статьи Борисовой В.В. [1, с. 176-184] излагалось буквально следующее утверждение:

«Цифровые трансформации логистической деятельности изменяют и значительно модифицируют менеджмент системы поставок. Возникает потребность в дополнительных мероприятиях организационного, нормативно-правового, ресурсосберегающего характера. Уточняется содержание показателей и индикаторов, на которые оказывают влияние цифровые технологии. Изменения связаны с управлением цифровыми потоками. Этот новый вид логистических потоков определим как «совокупность коммуникационных технологий, регуляторов цифровых преобразований, сетей, мессенджеров, облачных технологий и платформ» [1, с. 28]» [1, с. 176].

Относительно данного утверждения [1, с. 176] можно и необходимо зафиксировать недопустимые для всякой научной и учебной литературы высшего и среднего профессионального образования наиболее очевидные смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, известно [2], что *трансформировать* – это превратить из одного в другое, что *изменить* – это сделать иным, а

модифицировать – это то же, что и видоизменить. Поэтому, с одной стороны, примененное в данном утверждении [1, с. 176] выражение - «*трансформации* логистической деятельности *изменяют* и значительно *модифицируют*» - в определенном смысле представляется недопустимой для научно-исследовательских трудов и учебной литературы сферы высшего и среднего профессионального образования *двойной тавтологией* (плеоназмом - [3]);

- во-вторых, а, с другой стороны, поскольку какие-нибудь «цифровые трансформации» в силу своей неодушевленной природы сами по себе не могут что-нибудь сделать иным или видоизменить, то в первом предложении данного утверждения [1, с. 176] автору статьи [1, с. 176-184] вместо семантически сомнительного и потому ошибочно использованного выражения - «цифровые трансформации логистической деятельности изменяют и значительно модифицируют менеджмент системы поставок» - следовало бы употребить какое-нибудь достаточно приемлемое для данной ситуации словосочетание, например, - «осуществление промышленным предприятием цифровизации своей логистической деятельности позволяет ему значительно модифицировать в лучшую сторону управление поставками»;

- в-третьих, известно [4], что *абзац* – это часть текста между двумя абзачными отступами, характеризующаяся относительной законченностью и *единством смыслового содержания*. Поэтому автору статьи [1, с. 176-184] для обеспечения такого единства в данном утверждении [1, с. 176] следовало бы осуществить,

например, следующие действия: а) в начале второго предложения употребить приемлемое для данного случая выражение – «и в связи с этим»; б) в начале третьего предложения употребить наречие «затем»; в) в начале четвертого предложения употребить указательное местоимение «такие»; г) в начале пятого предложения вместо указательного местоимения «этот» употребить выражение – «и поскольку это»;

- в-четвертых, словесная конструкция формулировки данного утверждения [1, с. 176] построена семантически некорректно (с элементарными грамматическими и смысловыми ошибками). Так, в частности, если условно пока не касаться достоверности данного утверждения, то в его формулировке следовало бы следовало бы осуществить следующие действия: а) в третьем предложении вместо семантически некорректного (не точно отражающего сущность явления) выражения – «на которые оказывают влияние цифровые технологии» - употребить достаточно приемлемое словосочетание, например, - «на точность определения значений которых оказывает влияние эффективное применение цифровых технологий»; б) в пятом предложении вместо неграмотно представленного выражения - «определим как» - употребить приемлемое для данного случая словосочетание – «то их следует определить, как»;

Поэтому здесь налицо – очередные свойственные научному изданию [1] противоречия исследовательского и редакционного характера в виде парадокса во втором его значении (в формальной логике: противоречие, возникающее при сохранении логической правильности хода рассуждений [3]).

Противоречие 82. Затем в статье Борисовой В.В. [1, с. 176-184] излагалось буквально следующее утверждение:

«Виртуальная форма экономического потока (цифровой поток) существенно преобразует архитектуру, принципы и методы управления логистической системой. Приоритетную роль в логистических системах цифрового типа приобретает формирование единого информационного пространства. Менеджмент цифровых потоков в таких системах опирается на искусственный интеллект и алгоритмы, которые способны решать задачи так, как это делает человек. Акцент смещается в сторону оперативности, клиентоориентированности, измеряемости и ограниченности во времени управленческих функций» [1, с. 176].

Относительно данного утверждения [1, с. 176] можно и необходимо зафиксировать недопустимые для всякой научной и учебной литературы высшего и среднего профессионального образования наиболее очевидные смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, известно [2], что *виртуальная* – это возможная, условная, кажущаяся, то есть пока

не существующая реально. Поэтому в первом предложении данного утверждения [1, с. 176] вместо семантически некорректного (не точно отражающего сущность явления) прилагательного «виртуальная» следовало бы употребить достаточно приемлемое для данного случая слово, например, «рациональная» или «целесообразная»;

- во-вторых, известно [2], что *преобразить* – это изменить образ, форму, вид чего-нибудь, сделать иным, лучшим. Поэтому, поскольку какие-нибудь «форма экономического потока» (да еще лишь кажущаяся, а не реально существующая) в силу своей неодушевленной природы сама по себе не может что-нибудь сделать иным, лучшим или видоизменить в лучшую сторону, то автору статьи [1, с. 176-184] в первом предложении данного утверждения [1, с. 176] вместо семантически некорректного и недостаточно грамотно написанного выражения - «виртуальная (рациональная – Р,Л.) форма экономического потока (цифровой поток) существенно преобразует» - следовало бы употребить достаточно приемлемое для данного случая словосочетание, например, - «при рациональной форме экономического цифрового потока промышленное предприятие может существенно преобразовать»;

- в-третьих, известно [2], что *задача* – это: 1) то, что требует исполнения; 2) то, что решается посредством вычисления. Поэтому в третьем предложении данного утверждения [1, с. 176] вместо семантически некорректного (не точно отражающего сущность явления) выражения - «и алгоритмы, которые способны решать задачи так, как это делает человек» - следовало бы употребить достаточно приемлемое для данного случая словосочетание, например, - «посредством свойственных ему алгоритмов выдает решения вычислительных задач гораздо быстрее, чем это делает человек»;

- в-четвертых, известно [4], что *абзац* – это часть текста между двумя абзачными отступами, характеризующаяся относительной законченностью и *единством смыслового содержания*. Поэтому автору статьи [1, с. 176-184] для обеспечения такого единства данным утверждением [1, с. 176] следовало бы осуществить, например, следующие действия: а) в начале второго предложения употребить приемлемое для данного случая выражение – «при этом»; б) в начале третьего предложения употребить приемлемое для данного случая выражение - «вместе с тем»; в) в начале четвертого предложения употребить приемлемое для данного случая слово «поэтому»;

- в-пятых, не менее широко и давно известно [2], что *оперативность* – это способность быстро направить ход дел (*оперативное руководство*), а «ограниченность во времени выполнения управленческих функций (видов деятельности)» - это на самом деле и есть быстрота их выполнения. Поэтому примененное в четвертом предложении данного утверждения [1, с. 176] выражение - «*оперативности... и ограниченности во*

времени» - в определенном смысле представляется недопустимой для научно-исследовательских трудов и учебной литературы сферы высшего и среднего профессионального образования *тавтологией* (плеоназмом - [3]);

- в-шестых, и, наконец, известно [2], что *измерить* – это определить какой-нибудь мерой величину чего-нибудь. Поэтому непонятно, что автор статьи [1, с. 176-184] конкретно подразумевает под выражением – «измеряемость управленческих функций»? Может быть *трудоемкость* их («управленческих функций») выполнения? Увы, к великому сожалению, приемлемые ответы на эти и другие подобные вопросы в статье [1, с. 176-184] обнаружить ее читателям представляется весьма затруднительным действием.

И потому здесь налицо – очередные свойственные научному изданию [1] противоречия исследовательского и редакционного характера в виде алогизма в первом значении (нелогичность, несовместимость с требованиями логики [3]) и алогизма во втором его значении (намеренное нарушение в речи логических связей с целью создания стилистического эффекта [3]).

Противоречие 83. Далее в статье Борисовой В.В. [1, с. 176-184] излагалось буквально следующее утверждение:

«Методологические подходы к изучению цифровой трансформации менеджмента логистических потоков можно *условно* (здесь жирный курсив наш – Р.Л.) разделить на: *процессный, отраслевой, технологический*» [1, с. 176].

Относительно данного утверждения [1, с. 176] можно и необходимо зафиксировать недопустимые для всякой научной и учебной литературы высшего и среднего профессионального образования наиболее очевидные смысловые невязки исследовательского и редакционного характера, суть которых могут прояснить следующие объективно вскрытые обстоятельства:

- во-первых, известно [2]: что *метод* – это способ теоретического исследования чего-нибудь; что *методология* – это учение о научном методе вообще или о методах отдельных наук; что *подход* – это совокупность приемов отношения к чему-нибудь (к изучению чего-нибудь); что *способ* – это метод, прием, действие. Поэтому примененное в данном утверждении [1, с. 176] выражение - «*методологические подходы*» (то есть «*методологические* совокупности *методов*») - в определенном смысле представляется недопустимой для научно-исследовательских

трудов и учебной литературы сферы высшего и среднего профессионального образования *тавтологией* (плеоназмом - [3]). И в связи с этим в данном утверждении [1, с. 176] автору статьи [1, с. 176-184] вместо семантически сомнительного выражения - «методологические подходы» - следовало бы употребить какое-нибудь достаточно приемлемое для данной ситуации словосочетание, например, - «научно-исследовательские подходы» или просто «научные подходы»;

- во-вторых, в данном утверждении статьи [1, с. 176] автор [1, с. 176-184] сообщает своему читателю, что «методологические подходы к изучению цифровой трансформации менеджмента логистических потоков можно *условно* (здесь жирный курсив наш – Р.Л.) разделить на: *процессный, отраслевой, технологический*» [1, с. 176-177]. Однако, известно [2], что *условный* – это: 1) заранее условленный и понятный только тем, кто условился; 2) имеющий силу только при каких-нибудь условиях (*противоп.* безусловный). Поэтому читателю этой статьи вполне может стать не совсем понятным, почему указанные в научной статье [1, с. 176-184] «методологические подходы» оказались не безусловными (то есть существующими в науке независимо от использующих их исследователей), а всего лишь заранее «условленными», то есть понятными только ее (статьи) авторам, которые об этом условились? И конкретно при каких-таких условиях эти «подходы» имеют силу? Увы, к великому сожалению, приемлемые ответы на эти и другие подобные вопросы в статье [1, с. 176-184] обнаружить ее читателям представляется весьма затруднительным действием.

В итоге здесь налицо – очередные свойственные научному изданию [1] противоречия исследовательского и редакционного характера в виде парадокса во втором его значении (в формальной логике: противоречие, возникающее при сохранении логической правильности хода рассуждений [3]).

Литература

1. Развитие науки и научно-образовательного трансфера логистики / под научной ред. д-ра экон. наук, проф. В.В. Щербакова. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. – 220 с.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2021. – 1360 с.
3. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Рус. яз., 1998. – 848 с.
4. Новый энциклопедический словарь. – М.: РИПОЛ классик, 2013. – 1568 с.

Ежемесячный научный журнал

Том 1 №104/2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Макаровский Денис Анатольевич

AuthorID:559173

Заведующий кафедрой организационного управления Института прикладного анализа поведения и психологии социальных технологий, практикующий психолог, специалист в сфере управления образованием.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Чукмаев Александр Иванович

<https://orcid.org/0000-0002-4271-0305>

Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права. Астана, Казахстан

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Штерензон Вера Анатольевна

AuthorID:660374

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт новых материалов и технологий (Екатеринбург), кандидат технических наук

Синьковский Антон Владимирович

AuthorID:806157

Московский государственный технологический университет "Станкин", кафедра информационной безопасности (Москва), кандидат технических наук

Штерензон Владимир Александрович

AuthorID:762704

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт фундаментального образования, Кафедра теоретической механики (Екатеринбург), кандидат технических наук

Зыков Сергей Арленович

AuthorID:9574

Институт физики металлов им. М.Н. Михеева УрО РАН, Отдел теоретической и математической физики, Лаборатория теории нелинейных явлений (Екатеринбург), кандидат физ.-мат. наук

Дронсейко Виталий Витальевич

AuthorID:1051220

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Кафедра "Организация и безопасность движения" (Москва), кандидат технических наук

Садовская Валентина Степановна

AuthorID:427133

Доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РФ, академик Международной академии Высшей школы, почетный профессор Европейского Института PR (Париж), член Европейского издательского и экспертного совета I EERP.

Ремизов Вячеслав Александрович

AuthorID:560445

Доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, академик Международной Академии информатизации, член Союза писателей РФ, лауреат государственной литературной премии им. Мамина-Сибиряка.

Измайлова Марина Алексеевна

AuthorID:330964

Доктор экономических наук, профессор Департамента корпоративных финансов корпоративного управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Гайдар Карина Марленовна

AuthorID:293512

Доктор психологических наук, доцент. Член Российского психологического общества.

Слободчиков Илья Михайлович

AuthorID:573434

Профессор, доктор психологических наук, кандидат педагогических наук.

Член-корреспондент Российской академии естественных наук.

Подольская Татьяна Афанасьевна

AuthorID:410791

Профессор факультета психологии Гуманитарно-прогностического института, Доктор психологических наук. Профессор.

Пряжникова Елена Юрьевна

AuthorID:416259

Преподаватель, профессор кафедры теории и практики управления факультета государственного муниципального управления, профессор кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения факультета дистанционного обучения ФБОУ ВОМ ГППУ

Набойченко Евгения Сергеевна

AuthorID:391572

Доктор психологических наук, кандидат педагогических наук, профессор. Главный внештатный специалист по медицинской психологии Министерства здравоохранения Свердловской области.

Козлова Наталья Владимировна

AuthorID:193376

Профессор кафедры гражданского права и юридического факультета МГУ

Крушельницкая Ольга Борисовна

AuthorID:357563

кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии. Московский государственный областной университет.

Артамонова Алла Анатольевна

AuthorID:681244

кандидат психологических наук, Российский государственный социальный университет, филиал Российского государственного социального университета в г. Тольятти.

Таранова Ольга Владимировна

AuthorID:1065577

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт, Департамент гуманитарного образования студентов инженерно-технических направлений, Кафедра управления персоналом психологии (Екатеринбург)

Ряшина Вера Викторовна

AuthorID:425693

Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО, лаборатория профессионального развития педагогов (Москва)

Гусова Альбина Дударбековна

AuthorID:596021

Заведующая кафедрой психологии, Доцент кафедры психологии, кандидат психологических наук Северо-

Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, психолого-педагогический факультет (Владикавказ).

Минаев Валерий Владимирович

AuthorID:493205

Российский государственный гуманитарный университет, кафедра мировой политики и международных отношений (общеевропейская) (Москва), доктор экономических наук

Попков Сергей Юрьевич

AuthorID:750081

Всероссийский научно-исследовательский институт труда, Научно-исследовательский институт труда и социального страхования (Москва), доктор экономических наук

Тимофеев Станислав Владимирович

AuthorID:450767

Российский государственный гуманитарный университет, юридический факультет, кафедра финансово-правовых отношений (Москва), доктор юридических наук

Васильев Кирилл Андреевич

AuthorID:1095059

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Инженерно-строительный институт (Санкт-Петербург), кандидат экономических наук

Солянкина Любовь Николаевна

AuthorID:652471

Российский государственный гуманитарный университет (Москва), кандидат экономических наук

Карпенко Юрий Дмитриевич

AuthorID:338912

Центр стратегического планирования и управления медико-биологическими рисками здоровья ФМБА, Лаборатория экологической оценки отходов (Москва), доктор биологических наук.

Малаховский Владимир Владимирович

AuthorID:666188

Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, Факультет повышения профессионального образования врачей,

кафедранелекарственныхметодовтерапиииклиническойфизиологии(Москва),доктормедицинскихнаук.

ИльясовОлегРашитович

AuthorID:331592

Уральскийгосударственныйуниверситетпутейсообщения,кафедратехносфернойбезопасности(Екатеринбург),докторбиологическихнаук

КоссВикторВикторович

AuthorID:563195

Российскийгосударственныйуниверситетфизическойкультуры,спорта,молодёжиитуризма,НИИспортивноймедицины(Москва),кандидатмедицинскихнаук.

КалининаМаринаАнатольевна

AuthorID:666558

Научныйцентрпсихическогоздоровья,Отделпоизучениюпсихическойпатологиираннегодетскоговозраста(Москва),кандидатмедицинскихнаук.

СырочкинаМарияАлександровна

AuthorID:772151

Пфайзер,вакцинымедицинскийотдел(Екатеринбург),кандидатмедицинскихнаук

ШукшинаЛюдмилаВикторовна

AuthorID:484309

Российскийэкономическийуниверситетим.Г.В.Плеханова,Головнойвуз:РЭУим.Г.В.Плеханова,Центргуманитарнойподготовки,Кафедрапсихологии(Москва),докторфилософскихнаук

ОленевСвятославМихайлович

AuthorID:400037

Московскаягосударственнаяакадемияхореографии,кафедрагуманитарных,социально-экономическихдисциплиинеменеджментаисполнительскихискусств(Москва),докторфилософскихнаук.

ТерентийЛивиуМихайлович

AuthorID:449829

Московскаямеждународнаяакадемия,ректорат(Москва),докторфилологическихнаук

ШкаренковПавелПетрович

AuthorID:482473

Российскийгосударственныйгуманитарныйуниверситет(Москва),доктористорическихнаук

ШалагинаЕленаВладимировна

AuthorID:476878

Уральскийгосударственныйпедагогическийуниверситет,кафедратеоретическойиприкладнойсоциологии(Екатеринбург),кандидатсоциологическихнаук

ФранцСветланаВикторовна

AuthorID:462855

Московскаягосударственнаяакадемияхореографии,научно-методическийотдел(Москва),кандидатфилософскихнаук

ФранцВалерияАндреевна

AuthorID:767545

Уральскийфедеральныйуниверситетим.первогоПрезидентаРоссииБ.Н.Ельцина,Институтгосударственногоуправленияипредпринимательства(Екатеринбург),кандидатфилософскихнаук

ГлазуновНиколайГеннадьевич

AuthorID:297931

Самарскийгосударственныйсоциально-педагогическийуниверситет,кафедрафилософии,историиитеориимировойкультуры(Москва),кандидатфилософскихнаук

РомановаИлонаЕвгеньевна

AuthorID:422218

Гуманитарныйуниверситет,факультетсоциальнойпсихологии(Екатеринбург),кандидатфилософскихнаук

Ответственный редактор
Чукмаев Александр Иванович
Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права.
(Астана, Казахстан)

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:

198320, Санкт-Петербург, Город Красное Село, ул. Геологическая,
д.44, к.1, литера А

Адрес электронной почты: info@national-science.ru

Адрес веб-сайта: <http://national-science.ru/>

Учредитель и издатель ООО «Логика+»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620144, г. Екатеринбург,
улица Народной Воли, 2, оф. 44

Художник: Венерская Виктория Александровна

Верстка: Коржев Арсений Петрович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.